

ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

© Совет Европы/Европейский суд по правам человека, 2013 г. Настоящий перевод не налагает на Суд никаких обязательств. Дополнительная информация приводится в полной версии уведомления об авторском праве в конце документа.

© Council of Europe/European Court of Human Rights, 2013. This translation does not bind the Court. For further information see the full copyright indication at the end of this document.

© Conseil de l'Europe/Cour européenne des droits de l'homme, 2013. La présente traduction ne lie pas la Cour. Pour plus de renseignements veuillez lire l'indication de copyright/droits d'auteur à la fin du présent document.

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ОТДЕЛ

Обзор судебной практики Европейского суда по правам человека: роль прокурора при рассмотрении дел, не относящихся к сфере уголовного права

СОВЕТ ЕВРОПЫ

Издателям или организациям, которые желают опубликовать настоящий отчет (или его перевод) в печатном издании или сети Интернет, необходимо обратиться по адресу publishing@echr.coe.int для получения дальнейших указаний.

© Совет Европы / Европейский суд по правам человека, март 2011 г.

Настоящий отчет был подготовлен Исследовательским отделом Европейского суда по правам человека только на английском языке; настоящий отчет не налагает на Суд никаких обязательств. С полным текстом настоящего отчета можно ознакомиться, перейдя по ссылке www.echr.coe.int (раздел Case-Law/ Case-Law Analysis/ Case-Law Reports).

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
I. ПРАВО НА СПРАВЕДЛИВОЕ СУДЕБНОЕ РАЗБИРАТЕЛЬСТВО НЕЗАВИСИМЫМ И БЕСПРИСТРАСТНЫМ СУДОМ	5
II. ПРАВО НА СОСТЯЗАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС	7
III. ПРАВО НА РАВНОПРАВИЕ СТОРОН	8
IV. ПРАВО ДОСТУПА К СУДУ	12
V. ПРИНЦИП ПРАВОВОЙ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ	13
VI. РОЛЬ ПРОКУРОРА В ДЕЛАХ, ОТНОСЯЩИХСЯ К СФЕРЕ СЕМЕЙНОГО ПРАВА: УСТАНОВЛЕНИЕ ОТЦОВСТВА И ОТРЕЧЕНИЕ ОТ ОТЦОВСТВА	15
ТЕМАТИЧЕСКИЙ БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ	17
ПРИЛОЖЕНИЕ	18
Перечень дел	18
«Руиз-Матеос против Испании» (<i>Ruiz-Mateos v. Spain</i>), судебное решение от 23 июня 1993 г., серия А № 262.....	18
«Лобу Машаду против Португалии» (<i>Lobo Machado v. Portugal</i>), судебное решение от 20 февраля 1996 г.....	18
«Вермюлен против Бельгии» (<i>Vermeulen v. Belgium</i>), судебное решение от 20 февраля 1996 г.....	19
«Ван Орсховен против Бельгии» (<i>Van Orshoven v. Belgium</i>), судебное решение от 25 июня 1997 г.....	18
«К.Д.Б. против Нидерландов» (<i>K.D.B. v. the Netherlands</i>), судебное решение от 27 марта 1998 г.....	21
«Василеску против Румынии» (<i>Vasilescu v. Romania</i>), судебное решение от 22 мая 1998 г.....	22
«Миллан-и-Торнес против Андорры» (<i>Millan i Tornes v. Andorra</i>) (спор был урегулирован дружески), № 35052/97, ЕСПЧ 1999-IV.....	22
«Брумареску против Румынии» (<i>Brumărescu v. Romania</i>) [БП], № 28342/95, ЕСПЧ 1999-VII.....	23
«Йилдирим против Австрии» (<i>Yildirim v. Austria</i>) (мотивировочная часть судебного решения), № 34308/96, 19 октября 1999 г.....	18
«Варбанов против Болгарии» (<i>Varbanov v. Bulgaria</i>), № 31365/96, ЕСПЧ 2000-X.....	24
«Кресс против Франции» (<i>Kress v. France</i>) [БП], № 39594/98, ЕСПЧ 2001-VI.....	25
«Платаку против Греции» (<i>Platakou v. Greece</i>), № 38460/97, ЕСПЧ 2001-I.....	30
«АПБП против Франции» (<i>APBP v. France</i>), № 38436/97, 21 марта 2002 г.....	30
«Бланко Кальехас против Испании» (<i>Blanco Callejas v. Spain</i>) (мотивировочная часть судебного решения), № 64100/00, 18 июня 2002 г.....	31
«Геч против Турции» (<i>Göç v. Turkey</i>) [БП], № 36590/97, ЕСПЧ 2002-V.....	31
«Ивон против Франции» (<i>Yvon v. France</i>), № 44962/98, ЕСПЧ 2003 г.....	32
«Ф.В. против Франции» (<i>F.W. v. France</i>), № 61517/00, 31 марта 2005 г.....	35
«Кабезас Ректорет против Испании» (<i>Cabezas Rectoret v. Spain</i>) (мотивировочная часть судебного решения), № 27228/03, 5 апреля 2005 г.....	32
«ОАО “Росэлтранс” против Российской Федерации» (<i>Roseltrans v. Russia</i>), № 60974/00, 21 июля 2005 г.	36
«Асито против Молдовы» (<i>Asito v. Moldova</i>), № 40663/98, 8 ноября 2005 г.....	36
«Мартини против Франции» (<i>Martinie v. France</i>) [БП], № 58675/00, ЕСПЧ 2006-VI.....	37
«Станкевич против Польши» (<i>Stankiewicz v. Poland</i>), № 46917/99, ЕСПЧ 2006-VI.....	32
«ООО “Злинсат” против Болгарии» (<i>Zlinsat, spol. s r.o., v. Bulgaria</i>), № 57785/00, 15 июня 2006 г.....	40
«Паулик против Словакии» (<i>Paulik v. Slovakia</i>), № 10699/05, ЕСПЧ 2006-XI (выдержки из дела).....	42
«Ружаньский против Польши» (<i>Różański v. Poland</i>), № 55339/00, 18 мая 2006 г.....	43
«Грегориу де Андраде против Португалии» (<i>Gregorio de Andrade v. Portugal</i>), № 41537/02, 14 ноября 2006 г.....	45
«Пеев против Болгарии» (<i>Peev v. Bulgaria</i>), № 64209/01, 26 июля 2007 г.....	45
«Феррейра Алвеш против Португалии» (<i>Ferreira Alves v. Portugal</i>) (№ 3), № 25053/05, 21 июня 2007 г.	46
«Менчинская против Российской Федерации» (<i>Menchinskaya v. Russia</i>), № 42454/02, 15 января 2009 г.....	46
«Бацанина против Российской Федерации» (<i>Batsanina v. Russia</i>), № 3932/02, 26 мая 2009 г.....	48
«Королев против Российской Федерации» (<i>Korolev v. Russia</i>) (№ 2), № 5447/03, 1 апреля 2010 г.....	49
«Эверт против Люксембурга» (<i>Ewert v. Luxembourg</i>), № 49375/07, § 98, 22 июля 2010 г.....	50

«Молдован и другие заявители против Румынии» (<i>Moldovan and Others v. Romania</i>) (мотивировочная часть судебного решения), № 8229/04 и другие заявления, §§ 153-155, 15 февраля 2011 г.....	44
«Сахновский против Российской Федерации» (<i>Sakhnovskiy v. Russia</i>) [БП], № 21272/03, §§ 79- 84, 2 ноября 2010 г.	50

ВВЕДЕНИЕ

1. В настоящем документе представлен обзор судебной практики Европейского суда по правам человека, подготовленный с целью выявления роли прокурора при рассмотрении дел, не относящихся к сфере уголовного права. В ходе изучения судебной практики при составлении предыдущей версии настоящего отчета (см. отчет от 9 июня 2008 г.) не было выявлено никаких специфических подходов Суда к деятельности прокурора в гражданском или административном процессе. Кроме того, как правило, Суд не находил нарушений и не рекомендовал пересмотреть судебную систему государствам - участникам, когда прокуроры были наделены полномочиями в сферах, не связанных с уголовным правом. По сути, Суд применял такие же требования верховенства права и норм Конвенции к тем делам, где прокуроры действуют вне сферы уголовного права.

2. Тем не менее, начиная с 2009 года, Суд трижды выносил постановления против Российской Федерации, которые касались роли прокуроров в сфере гражданского судопроизводства. При вынесении двух из вышеуказанных постановлений Суд ссылаясь на Заключение № 3 (2008 г.), принятое Консультативным советом прокуроров Европы, для которого исследование и проводилось изначально.

3. Мы будем последовательно выявлять различия между отдельными видами материальных прав, которые могут вступать в действие в связи с работой прокуроров, с опорой на статью 6 Конвенции: право на справедливое судебное разбирательство независимым и беспристрастным судом; право на состязательный процесс; право на равноправие сторон, а также право на доступ к суду. Кроме того, из принципа правовой определенности, являющегося неотъемлемым принципом положений статьи 6 Конвенции, вытекает ряд важных положений, определяющих роль прокурора при пересмотре дел в надзорном порядке. И, наконец, мы рассмотрим роль прокурора в особом разделе семейного права, в частности в вопросах установления и оспаривания отцовства.

I. ПРАВО НА СПРАВЕДЛИВОЕ СУДЕБНОЕ РАЗБИРАТЕЛЬСТВО НЕЗАВИСИМЫМ И БЕСПРИСТРАСТНЫМ СУДОМ

4. В целом Суд отказался считать прокуроров независимым и беспристрастным судом в значении пункта 1 статьи 6 Конвенции. Тому имеется ряд причин: при вмешательстве прокурора отсутствуют достаточные гарантии соблюдения порядка судопроизводства (в

частности, гарантии участия заинтересованных лиц или проведения слушаний); прокурор принимает решения по собственному усмотрению, тогда как суд становится компетентным рассматривать дело при его получении от другого лица или организации; прокурор обладает определенной свободой действий при принятии решения о выборе порядка рассмотрения дела; и, наконец, прокурора сложно назвать беспристрастным, поскольку в дальнейшем он может выступать против заинтересованной стороны. Тот факт, что решение прокурора может быть обжаловано вышестоящему прокурору, никоим образом не компенсирует недостаточность правовых гарантий, поскольку вышестоящие должностные лица являются частью той же централизованной системы, и они также не отвечают этим требованиям. По мнению Суда, «сам по себе тот факт, что действия прокуроров направлены на охрану государственных интересов, нельзя истолковывать как придание им правового статуса независимых и беспристрастных участников процесса» (см. судебное решение, вынесенное по делу «ООО “Злинсат” против Болгарии» (*Zlinsat, spol. s r.o., v. Bulgaria*), № 57785/00, § 78, 15.06.2006 г.).

5. В целях обеспечения соблюдения положений статьи 6 Конвенции решение прокурора подлежит пересмотру со стороны судебного органа, обладающего всей полнотой юрисдикции, что не было предпринято при рассмотрении дела «ООО “Злинсат” против Болгарии», в рамках которого решение о временном прекращении выполнения договора приватизации, вынесенное городской прокуратурой Софии по собственному усмотрению, не прошло процедуру пересмотра. При принятии постановления от 22 мая 1998 г. по делу «*Василеску против Румынии*» (*Vasilescu v. Romania*), «Сборник судебных решений» 1998- III, Суд признал, что факт предоставления сотруднику подразделения генеральной прокуратуры исключительной компетенции при решении вопроса о реституции являлся нарушением положений статьи 6 Конвенции.

6. По сходным причинам заключение под стражу лица, страдающего расстройством психики, по решению прокурора, который впоследствии выступал в качестве одной из сторон в судебном разбирательстве, касающемся принудительного лечения заявителя, при том, что данное решение подлежало обжалованию исключительно в вышестоящей прокурорской инстанции, было признано нарушением положений пункта 4 статьи 5 Конвенции (дело «*Варбанов против Болгарии*» (*Varbanov v. Bulgaria*), № 31365/96, ЕСПЧ 2000-X). Фактически положения указанного пункта предоставляют любому лицу, лишенному свободы, право на обжалование в судебном порядке законности такого лишения свободы, при этом не только в рамках уголовных дел (в данном случае решение о лишении свободы было вынесено на основании закона «Об общественном здравоохранении»).

7. Как показывает судебная практика Суда, прокурор не должен иметь властных полномочий, когда он действует в сфере «гражданских прав и обязанностей», за исключением случаев, когда эти действия могут быть пересмотрены в судебном порядке.

II. ПРАВО НА СОСТЯЗАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС

8. В трактовке Суда, это право означает возможность сторон судебного процесса ознакомиться с, и прокомментировать, все доказательства и наблюдения, представленные, в том числе, «независимым представителем национальной правовой системы» с целью повлиять на решение суда. Применив указанные принципы к уголовному судопроизводству (см. о роли Генерального Прокурора в Кассационном суде в деле «Боржерс против Бельгии» (*Borgers v. Belgium*), постановление от 30.10.1991 г., Серия А № 214-В), Суд распространил данные требования и на неуголовные дела (выступление Государственного Советника в рамках конституционного судопроизводства по делу «Руиз-Матеос против Испании» (*Ruiz-Mateos v. Spain*), постановление от 23.06.1993 г., Серия А № 262; выступление Генерального прокурора в Верховном суде в трудовых спорах, «Лобо Машаду против Португалии» (*Lobo Machado v. Portugal*), постановление от 20.02.1996 г., Сборник постановлений и решений 1996-I; выступление Генерального прокурора в Кассационном суде в процедуре банкротства, дело «Вермюлен против Бельгии» (*Vermeulen v. Belgium*), постановление от 20.02.1996 г., Сборник постановлений и решений 1996-I; выступление Генерального прокурора в Кассационном суде в рамках дисциплинарного разбирательства, дело «Ван Оршовен против Бельгии» (*Van Orshoven v. Belgium*), постановление от 25.06.1997 г., Сборник постановлений и решений 1997-III; выступление Генерального прокурора в Верховном суде гражданском процессе, дело «К.Д.Б. против Нидерландов» (*K.D.B. v. the Netherlands*), постановление от 27.03.1998 г., Сборник постановлений и решений 1998-II; выступление Комиссара Правительства в Государственном Совете в административном производстве, дело «Кресс против Франции» (*Kress v. France*) [БП], № 39594/98, ЕСПЧ 2001-VI; выступление Прокурора в Кассационном суде в рамках разбирательства по вопросу выплаты компенсации за незаконное заключение под стражу, дело «Геч против Турции» (*Göç v. Turkey*) [БП], № 36590/97, ЕСПЧ 2002-V; выступление прокурора перед членами Государственного Совета в рамках административного производства по оспариванию отказа в приеме заявителя в высшее учебное заведение, дело «Эмин Арак против Турции» (*Emine Arac v. Turkey*), № 9907/02, § 27, от 23.09.2008 г.; выступление Генерального прокурора перед Верховным Военным Административным судом в

рамках разбирательства по вопросу об исключении заявителя из военного училища, дело «Миран против Турции» (*Miran v. Turkey*), № 43980/04, § 18, 21.04.2009 г.).

9. Во всех вышеперечисленных делах Суд исследовал, имел ли заявитель/сторона в процессе возможность ознакомиться с доказательствами/заявлениями, представленными суду «независимым представителем национальной правовой системы», а также возможность ответить на них. Однако, в случае если, у адвокатов сторон имеется возможность заблаговременно спросить «прокурора» об общем характере представленных им доказательств или сделанных заявлений и ответить в форме меморандума для прений, либо отложить рассмотрение дела с целью предоставления сторонам возможности высказаться по новому вопросу, поднятому «независимым представителем национальной правовой системы», Суд может не усмотреть нарушения принципа состязательности процесса (см. судебные решения, вынесенные по следующим делам: «Кресс против Франции» (*Kress v. France*), § 76 и «АПБП против Франции» (*APBP v. France*), постановление от 21.03.2002 г.). Ситуация менее очевидна, когда суд не проводит устное разбирательство (см., например, судебное постановление, вынесенное по делу «Геч против Турции» (*Göç v. Turkey*), § 56).

10. Применение указанных принципов не зависит от того, являлся ли «независимый представитель национальной правовой системы» «стороной» в процессе. В большинстве вышеперечисленных дел прокурор, строго говоря, не являлся стороной судебного разбирательства, но выступал в качестве независимого эксперта (*amicus curiae*), действующего в общественных интересах или в целях обеспечения постоянства прецедентного права.

III. ПРАВО НА РАВНОПРАВИЕ СТОРОН

11. По результатам применения «теории взгляда со стороны» и рассмотрения истинной роли прокурора или иного должностного лица в судебном разбирательстве, Суд счел, что такое должностное лицо, рекомендуя удовлетворить или отказать в удовлетворении требований кассационной жалобы по существу «объективно говоря, становилось союзником или противником сторон». Таким образом, его присутствие в совещательной комнате при принятии судом решения «со стороны производит впечатление еще одной возможности настоять на своих доводах без свидетелей, не опасаясь возражений» (дело «Вермюлен», § 34; дело «Лобу Машаду», § 32; дело «Кресс», § 82). Это может «создать ощущение неравенства» у второй стороны и в свою очередь повлечь нарушение положений пункта 1 статьи 6 Конвенции (см. также постановление, вынесенное Судом по делу «Ф.В. против

Франции» (*F.W. v. France*), № 61517/00, § 27, 31.03.2005 г.). Суд разъяснил, что само присутствие прокурора или иного должностного лица в совещательной комнате, вне зависимости от того, является ли такое присутствие «активным» (например, в качестве консультанта) или «пассивным», расценивается как нарушение указанных положений (дело «Мартини», § 53).

12. Суд далее постановил, что раскрытие содержания заявлений или информации прокурору или независимому должностному лицу, но не сторонам процесса, нарушает принцип равноправия сторон (например, дело, в котором Генеральный прокурор в Кассационном суде получил доклад судьи-докладчика, непредоставленный сторонам уголовного дела, дело «Рейнхардт и Слимман-Каид против Франции» (*Reinhardt and Slimane-Kaid v. France*), постановление от 31.03.1998 г., Сборник постановлений и решений 1998-II). Указанное правило применимо и к неуголовным делам (см. коммерческие споры в Кассационном суде, дело «Лилли Франс против Франции» (*Lilly France v. France*), № 53892/00, § 25, 14.10.2003 г.).

13. Суд учитывает общую позицию, занимаемую прокурором в процессе, не только в свете его присутствия в совещательной комнате, или заблаговременного информирования его о содержании доклада судьи-докладчика. В частности, в деле «Мартини против Франции» Суд отметил, что позиция Государственного Советника в деле, рассматриваемом Счетной палатой, создала «дисбаланс» между ним и стороной (бухгалетром), поскольку, помимо прочего, Государственный Советник присутствовал на слушании и активно принимал участие в рассмотрении дела, высказывая свою точку зрения устно, при том, что у бухгалтера не было возможности высказать свои возражения. В деле «Руиз-Матеос против Испании» (*Ruiz-Mateos v. Spain*) Суд пришел к выводу, что неучастие заявителя в рассмотрении дела в Конституционном суде (судья вынес для предварительного рассмотрения вопрос о конституционности закона, затрагивавшего интересы заявителя), в то время, как Государственному Советнику была предоставлена возможность последнему прокомментировать свою позицию в суде, привело к нарушению пункта 1 статьи 6. В деле «Ивон против Франции» (*Yvon v. France*), постановление от 24.04.2003 г., Суд решил, что в деле об экспроприации позиция, занятая Комиссаром Правительства, выступавшим в качестве эксперта и стороны в этом деле, создала дисбаланс, нанеший ущерб стороне, имущество которой было экспроприровано, и нарушивший принцип равноправия сторон.

14. Иммуниет прокурора при распределении судебных расходов также может вызвать сомнение в отношении соблюдения права на справедливое судебное разбирательство. Несмотря на то, что подобная привилегия может быть оправдана соображениями охраны

правопорядка, «ее использование не допустимо, если это приводит к неравноправному положению стороны в гражданском судопроизводстве по отношению к прокурору» (отказ заявителям, в пользу которых состоялось решение, во взыскании судебных расходов с прокурора, обратившегося к ним с иском, был признан нарушением положений статьи 6 в деле «Станкевич против Польши» (*Stankiewicz v. Poland*), № 46917/99, ЕСПЧ 2006-VI).

15. Правовая норма, позволяющая приостановление процессуальных сроков на время судебных каникул в отношении Государства (Государственного совета по правовым вопросам), но при этом не применимая в отношении другой стороны в гражданском судопроизводстве, была признана создающей существенное неравноправие сторон, не совместимое с положениями статьи 6 (дело «Платаку против Греции» (*Platakou v. Greece*), № 38460/97, ЕСПЧ 2001-I, и дело «Карапанагиту и другие заявители против Греции» (*Karapanagiotou and Others v. Greece*), № 1571/08 от 28.10.2010 г.).

16. При этом не всякое неравенство или неравноправие сторон и прокурора или государственного обвинителя является нарушением положений Конвенции. В частности, по мнению Суда, тот факт, что при рассмотрении уголовных дел для частных лиц установлены более сокращенные сроки апелляционного обжалования, чем для Генерального прокурора, не приводит к «существенному неравноправию» участвующих в деле частных лиц по сравнению с последним (дело «Гиг и СГЕН-СФДТ против Франции» (*Guigue and SGEN-CFDT v. France*) (решение), № 59821/00, 06.01.2004 г.). По мнению Суда принцип равноправия сторон также не был нарушен в случае установления для участвующих в деле частных лиц более сокращенных сроков подачи апелляционных жалоб, чем для Генеральной прокуратуры (дело «Эwert против Люксембурга» (*Ewert v. Luxembourg*), № 49375/07, § 98, 22.07.2010 г.). Более того, при рассмотрении уголовного дела тот факт, что гражданский истец не мог обжаловать решение нижестоящего суда в Кассационный суд в случае отсутствия такой жалобы со стороны обвинения, не нарушает принципа равноправия сторон, поскольку гражданский истец не является ни оппонентом, ни союзником стороны обвинения (дело «Бергер против Франции» (*Berger v. France*), № 48221/99, ЕСПЧ 2002-X). Тот факт, что только сторона обвинения может обжаловать решение о неприемлемости жалобы, принятое Конституционным судом Испании в рамках процедуры защиты конституционных прав (ампаро), также не является нарушением пункта 1 статьи 6 Конвенции (дело «Бланко Каллехас против Испании» (*Blanco Callejas v. Spain*) (решение), № 64100/00, 18.06.2002 г.).

17. Начиная с 2009 года, в Суде сложилась особая практика по вопросу участия прокурора в делах, не относящихся к сфере

уголовного права. В трех постановлениях против Российской Федерации изучался вопрос, является ли участие прокурора на стороне оппонентов заявителя при рассмотрении гражданских дел нарушением принципа равноправия сторон.

18. В деле «Менчинская против Российской Федерации» (*Menchinskaya v. Russia*), № 42454/02, 15.01.2009 г., ссылаясь на Заключение Венецианской комиссии в отношении закона «О прокуратурах» (2005) и Резолюцию Парламентской ассамблеи № 1604 (2003) «О роли прокуратуры в демократическом обществе, регулируемом верховенством права», Суд установил, что при определенных обстоятельствах выступление прокурора на стороне лица, участвующего в деле, может быть оправдана, «в частности, интересами защиты прав уязвимых групп населения (детей, инвалидов и т.п.), которые неспособны защитить свои интересы самостоятельно, либо в случаях, когда данное нарушение затрагивает интересы большого числа граждан, либо, когда требуется защитить интересы государства» (§ 35). В данном деле прокурор обжаловал (опротестовал) решение на том основании, что суд первой инстанции ошибочно применил нормы гражданского права при разрешении трудового спора, и, соответственно, незаконно присудил начисление процентов на просроченные к уплате суммы (пособия по безработице) в пользу заявительницы. По мнению Суда, в деле отсутствовали особые обстоятельства, оправдывающие вмешательство прокурора, и подобное вмешательство лишило судопроизводство признаков справедливости и нарушило принцип равноправия сторон (что привело к нарушению положений пункта 1 статьи 6 Конвенции). Следует отметить, что в данном деле, в отличие от ранее рассмотренных (Мартини, Лобу Машаду), прокурор не принимал участие в заседаниях апелляционного суда, а заявительница была уведомлена о внесенном прокурором протесте и воспользовалась возможностью ответить на доводы прокурора. Соответственно, Суд счел сам факт выступления прокурора на стороне противника (на стороне центра занятости) при рассмотрении гражданского иска заявительницы нарушением принципа равноправия сторон.

19. При рассмотрении дела «Королев против Российской Федерации» (*Korolev v. Russia*) (№. 2), № 5447/03, 01.04.2010 г., Суд пришел к тому же выводу. Прокурор вмешался в апелляционное производство, выступая в поддержку противников заявителя (военных властей) по иску о выплате компенсации, поданным заявителем (офицером в отставке) в связи с полученным им отказом в возмещении стоимости авиабилета. Единственным отличием от предыдущего дела явилось непредоставление заявителю возможности выступить с возражениями на заявление прокурора, сделанное им в конце слушаний. Суд сослался на Заключение № 3 (2008 г.), принятое

Консультативным советом прокуроров Европы (см. соответствующие документы Совета Европы, § 18).

20. В деле «Бацанина против Российской Федерации» (*Batsanina v. Russia*), № 3932/02, 26.05.2009 г., Суд признал справедливым участие прокурора в разбирательстве дела. Хотя оппоненты заявительницы (государственная организация и частное лицо) также были представлены при рассмотрении дела, Суд счел, что прокурор, обратившись в суд с заявлением о выселении заявительницы, действовал в государственных интересах. Прокурор, выступая в интересах Института океанологии Российской академии наук и частного лица, подал иск о выселении заявительницы и ее супруга из предоставленной им квартиры. Супруг заявительницы, являющийся сотрудником Института, заключил с работодателем соглашение об обмене с целью получения от Института квартиры большей площади, и, в соответствии с этим соглашением, заявительница должна была передать Институту право собственности на свою квартиру. Впоследствии Институт было установлено, что заявительница уже продала свою квартиру. Таким образом, в данном случае вмешательство прокурора имело своей целью защиту государственной собственности.

21. Вышеперечисленные дела показывают, что Суд избегает абстрактного подхода к рассмотрению вопроса об участии прокурора в производстве по обычным гражданским делам. Рассматривая каждый случай в отдельности Суд решает насколько участие прокурора в разбирательстве по делу соответствовало принципу равноправия сторон.

IV. ПРАВО ДОСТУПА К СУДУ

22. В некоторых случаях прокурор может назначаться с целью представления в национальном суде интересов физического лица. В таких случаях порядок исполнения им этой официальной функции может стать причиной для привлечения Государства к ответственности в связи с нарушением положений Конвенции. В частности, тот факт, что прокурор, представляющий интересы заявителя, проинформировал последнего о решении по его делу только после того, как такое решение стало окончательным, лишив таким образом заявителя возможности подать апелляцию, может рассматриваться как ущемление права на доступ к суду, выводимого из положений статьи 6 Конвенции (дело «Феррейра Алвеш против Португалии» (*Ferreira Alves v. Portugal*) (№ 3), № 25053/05, 21.06.2007 г.).

23. В одном из недавно рассмотренных дел, в котором заявители, не достигшие на тот момент совершеннолетия, жаловались на

невыполнение представителями прокуратуры своих обязанностей, предусмотренных положениями статьи 45 Гражданско-процессуального кодекса Румынии, представлять интересы заявителей по гражданским делам и требовать присуждения им компенсации, позиция Суда была такова, что, в соответствии с указанными положениями национального законодательства, в отношении несовершеннолетних лиц или лиц с ограниченными возможностями, представители прокуратуры «могут» подать гражданский иск, если они сочтут, что это необходимо в целях защиты прав и насущных интересов указанных лиц. Соответственно, Суд пришел к выводу, что у прокуратуры не имелось правовой обязанности предпринимать процессуальные действия с целью защиты интересов всех несовершеннолетних лиц и лиц с ограниченными возможностями в целом. Имелась лишь предусмотренная законом возможность осуществить указанное право, реализовать которую представители прокуратуры не сочли необходимым в деле заявителей. Суд, отметив также, что у всех заявителей имелись родители или законные представители, которые либо сами являлись сторонами в деле, либо могли представлять заявителей как сторон гражданского судопроизводства но не сделали этого, счел, что право заявителей на доступ к суду не было ущемлено (см. судебное решение, вынесенное по делу «Молдован и другие заявители против Румынии» (*Moldovan and Others v. Romania*) [БП] (мотивировочная часть судебного решения), № 8229/04 и другие заявления, §§ 153-155, 15 февраля 2011 г.).

V. ПРИНЦИП ПРАВОВОЙ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ

24. Существование в ряде стран Восточной Европы, таких как Российская Федерация, Молдова и Украина, процедуры надзорного производства породило ряд спорных вопросов с точки зрения статьи 6 Конвенции и принципа правовой определенности (см. судебное решение, вынесенное по делу «Рябых против Российской Федерации» (*Ryabykh v. Russia*), № 52854/99, ЕСПЧ 2003-IX). Суд пришел к общему выводу, что в рамках указанных правовых систем отмена окончательных судебных решений (при этом речь идет не только о решениях по уголовным делам) является нарушением принципов недопустимости повторного рассмотрения однажды решенного дела (*res judicata*) и правовой определенности, а, следовательно, и положений статьи 6 Конвенции. Нарушение, однако, является результатом принятия судебных актов, отменяющих окончательные решения, а не следствием той или иной позиции, которую занимал при рассмотрении этих дел прокурор. Фактически, процедуру пересмотра дел в порядке надзора мог инициировать либо прокурор, даже если он

не выступал в качестве участника процесса, либо Председатель или заместитель председателя Верховного суда (см. судебное решение, вынесенное по делу «Рябых против Российской Федерации» (*Ryabykh v. Russia*)). Суд, по-видимому, не сформировал особого подхода в делах, где указанная процедура была инициирована прокурором (см., например, судебные решения, вынесенные по следующим делам: «Брумареску против Румынии» (*Brumărescu v. Romania*) [БП], № 28342/95, ЕСПЧ 1999-VII, «Росэлтранс против Российской Федерации» (*Roseltrans v. Russia*), № 60974/00, 21.07.2005 г.; «Асито против Молдовы» (*Asito v. Moldova*), № 40663/98, 08.11.2005 г.).

25. Вместе с тем, при рассмотрении Большой палатой дела о справедливости уголовного судопроизводства, когда Правительство Российской Федерации пыталось оспорить сохранение заявителем статуса жертвы нарушения после возобновления производства по делу, Суд отметил, что во многих делах против Российской Федерации производство по уголовным и по гражданским делам возобновлялось национальными судами в короткие сроки после того, как жалобы были коммуницированы государству-ответчику, но при этом многие месяцы, а иногда и годы после завершения первоначального производства в национальных судах. В связи с этим в деле «Нурмагомедов против Российской Федерации» (*Nurmagomedov v. Russia*) (мотивировочная часть судебного решения), № 30138/02, 16.09.2004 г.) было указано на то, что прокурор обратился с представлением о пересмотре судебного решения в надзорном порядке только после вмешательства Суда, тогда как ранее тот же прокурор отклонял жалобы заявителя относительно того же самого решения, утверждая, что оно является «законным и обоснованным». Суд также обратил внимание на то, что в переданном на его рассмотрение деле все попытки заявителя добиться пересмотра первоначального решения национального суда в надзорном порядке не приносили успеха до тех пор, пока Генеральная прокуратура не была вынуждена вмешаться после получения уведомления о том, что заявитель обратился за защитой в Европейский Суд. Таким образом Суд счел, что производство по делу было возобновлено под влиянием российских властей, которым стало известно о том, что дело было передано на рассмотрение в Страсбург. Принимая во внимание легкость, с которой Правительство прибегает к этой процедуре, Суд счел, что при этом имеется риск злоупотребления. В связи с этим Суд признал, что если бы ему пришлось безоговорочно принять, что сам факт возобновления производства по делу автоматически лишает заявителя статуса жертвы, у государства-ответчика появилась бы возможность препятствовать рассмотрению любого незакрытого дела вновь и вновь прибегая к процедуре пересмотра в надзорном порядке вместо того, чтобы исправлять имевшие место нарушения путем реализации права

заявителя на справедливое судебное разбирательство. В свете изложенного возражения Правительства относительно утраты заявителем статуса жертвы нарушения были отклонены Судом (см. судебное решение, вынесенное по делу «Сахновский против Российской Федерации» (*Sakhnovskiy v. Russia*) [БП], № 21272/03, §§ 79- 84, 02.11.2010 г.).

VI. РОЛЬ ПРОКУРОРА В ДЕЛАХ, ОТНОСЯЩИХСЯ К СФЕРЕ СЕМЕЙНОГО ПРАВА: УСТАНОВЛЕНИЕ ОТЦОВСТВА И ОТРЕЧЕНИЕ ОТ ОТЦОВСТВА

26. В заключение следует упомянуть ряд дел, в которых Суд рассматривал роль прокурора в спорах, касающихся установления отцовства и оспаривания отцовства с точки зрения статьи 8 Конвенции (право на уважение частной и семейной жизни). При рассмотрении подобных дел прокурор действует в интересах общества или ребенка. Прокурору могут быть предоставлены полномочия по оспариванию отцовства тех в случаях, когда сам отец пропустил установленный для этого законом срок. В данном контексте прокурор обязан соблюдать справедливое равновесие между интересами заявителя (предполагаемого отца) и интересами общества, принимая при этом во внимание такие обстоятельства как возраст, личные обстоятельства и отношения между заинтересованными сторонами. В частности, отказ прокурора инициировать оспаривание отцовства может и не считаться ущемлением права заявителя на уважение частной жизни в случаях, когда при этом возникает вероятность утраты ребенком требования о взыскании алиментов с заявителя, в то время как вопрос об установлении личности биологического отца ребенка может так и остаться открытым (дело «Йилдирим против Австрии» (*Yildirim v. Austria*) (мотивировочная часть судебного решения), № 34308/96, 19.10.1999 г.), либо в случаях, когда направленный прокурору иск заявителя об оспаривании отцовства не подтверждается никакими доказательствами (дело «Дармон против Польши» (*Darmon v. Poland*) [БП] (мотивировочная часть судебного решения), № 7802/05, 17.11.2009 г.). Напротив, в деле «Паулик против Словакии» (*Paulik v. Slovakia*) (№ 10699/05, ЕСПЧ 2006-XI) отказ прокурора инициировать оспаривание отцовства явился нарушением права на уважение частной жизни заявителя, поскольку его предполагаемой дочери на тот момент исполнилось уже почти 40 лет, она не состояла у ответчика на иждивении и не возражала против отказа от отцовства с его стороны.

27. Кроме того, в некоторых правовых системах прокурор имеет право подавать иски об установлении отцовства в интересах предполагаемых отцов (см. судебное решение, вынесенное по делу

«Ружаньский против Польши» (*Róžański v. Poland*), № 55339/00, 18.05.2006 г.)¹. В подобных случаях органам прокуратуры следует учитывать как интересы заявителя – биологического отца, так и интересы ребенка и его законной семьи. Они обязаны изучить все указанные интересы с учетом фактических обстоятельств, не отклоняя автоматически требования заявителя только лишь на том основании, что отцовство уже было признано третьим лицом (дело «Ружаньский против Польши»).

28. Хотя Суд и не подвергает сомнению как таковые дискреционные полномочия, предоставляемые прокурорам в ходе судебных разбирательств по спорам подобного рода, Суд при этом настоятельно требует, чтобы прокуроры, ведущие подобные дела, принимали во внимание весь спектр интересов и прав, гарантируемых статьей 8 Конвенции.

---

¹ Предполагаемые отцы не могут воспользоваться данным механизмом, т.е., они не могут самостоятельно подавать иски в этой связи (см. Ружаньский, § 73).

ТЕМАТИЧЕСКИЙ БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

ДЮ ЖАРДЕН (2004)/ DU JARDIN (2004)	Du Jardin, Jean, “Le ministère public dans ses fonctions non pénales”, <i>Journal des tribunaux</i> , n° 6151, 2004, pp. 725-743 (дю Жарден, Жан. Прокуратура вне рамок уголовной юрисдикции // Судебный информационный бюллетень, № 6151, 2004 г., стр. 725-743)
--	---

ПРИЛОЖЕНИЕ

Перечень дел

«Руиз-Матеос против Испании» (*Ruiz-Mateos v. Spain*), судебное решение от 23 июня 1993 г., серия А № 262

65. В ноябре 1984 года и ноябре 1989 года Государственный совет Испании на основании пункта 2 статьи 37 конституционного закона № 2/1979 (см. пункт 27 выше) направил в Конституционный суд заявление о соответствии закона № 7/1983 (см. пункты 16 и 22 выше) положениям Конституции Испании. Заявителям не была предоставлена возможность ответить на указанное заявление, хотя очевидно, что иметь такую возможность до принятия окончательного решения было в их интересах.

66. По мнению Правительства, Конституционный суд имел возможность рассмотреть аргументы заявителей путем ознакомления с объемными документами, содержащими изложение фактов, которые заявители предоставили в гражданские суды в соответствии с пунктом 2 статьи 35 Органического закона № 2/1979 (см. пункты 14 и 22 выше), поскольку предоставленные в эти суды документы были перенаправлены в Конституционный суд в полном объеме.

67. По мнению Суда, данный довод не является убедительным.

Во-первых, пункт 2 статьи 35 определяет для сторон - в данном случае для заявителей и Государственного совета - и для Генеральной прокуратуры одинаковые сроки для изложения своих взглядов в отношении правомерности поднятия вопросов для рассмотрения и решения на предварительном слушании дела. В то время как письменные замечания заявителей также поднимали ряд вопросов по существу дела, письменные заявления со стороны Государственного совета, которые были весьма небольшими по объему, касались, в основном, процедурных вопросов. В любом случае, даже если представители Государственного совета также высказали бы свое мнение относительно существа дела, у заявителей не было бы возможности оспорить это мнение в гражданских судах или в Конституционном суде. С другой стороны, представители Государственного совета заранее знали аргументацию заявителей и имели возможность высказаться в связи с указанной аргументацией в последний момент перед Конституционным судом.

68. Таким образом, имело место нарушение положений пункта 1 статьи 6 (ст. 6-1).

«Лобу Машаду против Португалии» (*Lobo Machado v. Portugal*), судебное решение от 20 февраля 1996 г.

28. Суд, в первую очередь, отметил, что данный спор касается социальных прав, и в деле имеются две четко разграниченные стороны: заявитель, выступающий в качестве истца, и государственное предприятие «Петрогал», выступающее в качестве ответчика.

При данных обстоятельствах обязанности представителей Генеральной прокуратуры в Верховном суде сводились, главным образом, к тому, чтобы оказывать суду помощь и содействовать обеспечению единства судебной практики. Принимая во внимание социальную природу рассматриваемых прав, вмешательство прокуратуры в судебный процесс было предпринято, главным образом, с целью защиты общественных интересов.

Во-вторых, следует отметить, что в португальском законодательстве отсутствует указание на порядок выполнения представителями Генеральной прокуратуры, выступающими в Коллегии по трудовым спорам Верховного суда Португалии, своих обязанностей в ходе заседаний данной Коллегии при закрытых дверях (в отличие от вышеупомянутого решения по делу «Боргерс против Бельгии» (*Borgers v. Belgium*), стр. 28, п. 17 и стр. 32, п. 28).

31. В этой связи, с учетом степени важности разбирательства в Верховном суде для заявителя, а также сути заключения заместителя Генерального прокурора, в соответствии с которым жалобу следует отклонить (см. пункт 14 выше), то обстоятельство, что господину Лобу Машаду не была предоставлена копия заключения Генерального прокурора и возможность ответить на него до того, как было принято решение, являет собой нарушение права заявителя на состязательный процесс. Указанное право означает возможность для сторон уголовного или гражданского процесса

ознакомливаться и высказывать свое мнение в отношении всех приобщенных к делу доказательств и представленных замечаний, даже если такие доказательства и замечания представлены независимым сотрудником государственной юридической службы, с целью оказать влияние на решение суда (см., помимо прочих источников, решения, вынесенные по следующим делам, с учетом соответствующих изменений: вышецитированное судебное решение по делу «Руиз-Матеос» (*Ruiz-Mateos*) стр. 25, п. 63; «МакМайкл против Соединенного Королевства» (*McMichael v. the United Kingdom*), 24.02.1995 г., серия А № 307-В, стр. 53-54, п. 80, «Кероярви против Финляндии» (*Kerojärvi v. Finland*), 19.07.1995 г., серия А № 322, стр. 16, п. 42).

Суд считает, что этот факт сам по себе является нарушением пункта 1 статьи 6 (ст. 6-1).

32. Указанное нарушение усугубилось фактом присутствия заместителя Генерального прокурора на заседании Верховного суда при закрытых дверях. Даже если он не выступал в консультационных или иных целях (см. пп. 26 и 28 выше), сам факт его присутствия предоставлял ему, по крайней мере, со стороны могло создаться такое впечатление, дополнительную возможность оказать влияние на решение суда, принятое при закрытых дверях, не опасаясь при этом никаких возражений (см. вышецитированное решение по делу «Боргерс», стр. 32, п. 28).

Тот факт, что его присутствие на заседании предоставляло Генеральной прокуратуре возможность содействовать поддержанию единства судебной практики, не меняет приведенного выше вывода, поскольку присутствие на заседании не является единственным способом содействовать достижению указанной цели, как явствует из практики большинства стран-членов Совета Европы.

Таким образом, в данном отношении также имело место нарушение положений пункта 1 статьи 6 (ст. 6-1).

«Вермюлен против Бельгии» (*Vermeulen v. Belgium*), судебное решение от 20 февраля 1996 г.

29. Суд, в первую очередь, отметил, что характер функций Генеральной прокуратуры в Кассационном суде – и с этим согласилось Правительство – не меняется в зависимости от того, рассматривается ли гражданское дело или уголовное. В обоих случаях основная обязанность Генеральной прокуратуры в ходе слушаний и обсуждения дела состоит в том, чтобы оказывать помощь Кассационному суду, а также содействовать обеспечению единства судебной практики. То обстоятельство, что Генеральная прокуратура не вправе выдвигать кассационные основания по собственной инициативе, говорит только о составе ее функций, но не об их характере.

30. Во-вторых, следует отметить, что Генеральная прокуратура действует в строгом соответствии с принципом объективности. С этой точки зрения, выводы в отношении независимости и беспристрастности Кассационного суда и представителя Генеральной прокуратуры при этом суде, изложенные в решении по делу «Делькур против Бельгии» (*Delcourt v. Belgium*) и по делу «Боргерс против Бельгии» (см. стр. 17-19 пп. 32-38 и стр. 31 п. 24, соответственно), в полной мере сохраняют свою юридическую силу.

31. Тем не менее, так же, как и в решении по делу «Боргерс против Бельгии» (см. стр. 32 п. 26), Суд считает, что следует придавать большое значение роли, которую в ходе судебного разбирательства играет представитель Генеральной прокуратуры, в частности, содержанию его заключений и выводам из них. Авторитетность мнения представителя Генеральной прокуратуры является следствием самого статуса Генеральной прокуратуры. Хотя это мнение является объективным и основанным на нормах права, оно, тем не менее, высказывается в порядке консультации и, соответственно, оказывает влияние на Кассационный суд. В связи с этим Правительство подчеркивает важность роли Генеральной прокуратуры в обеспечении единства судебной практики.

32. В решении по делу «Делькур против Бельгии» (*Delcourt v. Belgium*) Суд, приводя основания применимости положений пункта 1 статьи 6 (ст. 6-1), отметил, что «решение Кассационного суда... может в различной степени отразиться на положении заинтересованных лиц» (стр. 13-14, п. 25). Судом неоднократно подчеркивалась эта мысль (см. судебные решения, вынесенные по следующим делам, с учетом соответствующих изменений: «Пакелли против Германии» (*Pakelli v. Germany*), 25.04.1983 г., серия А № 64, стр. 17, п. 36; «Фам Хоанг против Франции» (*Pham Hoang v. France*), 25.09.1992 г., серия А № 243, стр. 23, п. 40; и дело «Руиз-Матеос против Испании» (*Ruiz-Mateos v. Spain*), 23.06.1993 г., серия А № 262, стр. 25, п. 63). Указанное применимо и к настоящему делу,

поскольку обжалование на основании неправильного применения норм права ставило под вопрос законность процедуры банкротства, примененной к господину Вермюлену.

33. С учетом степени важности разбирательства в Кассационном суде для заявителя, а также характера заключения генерального адвоката господина дю Жардена, тот факт, что господину Вермюлену не была предоставлена возможность выступить с ответом до окончания слушания дела, представляет собой нарушение его права на состязательный процесс. Принцип состязательности означает возможность, предоставляемую сторонам уголовного или гражданского процесса, ознакомиться со всеми доказательствами и замечаниями, приобщенными к делу, и высказать свое мнение в связи с указанными доказательствами и замечаниями, даже если такие доказательства и замечания предоставляются независимым сотрудником государственной юридической службы, с целью оказать влияние на решение суда (см., помимо прочих источников, судебные решения, вынесенные по следующим делам, с учетом соответствующих изменений: цитированное выше судебное решение по делу «Руиз-Матеос» (*Ruiz-Mateos*), стр. 25, п. 63; «МакМайкл против Соединенного Королевства» (*McMichael v. the United Kingdom*), 24.02.1995 г., серия А № 307-В, стр. 53-54, п. 80, «Кероярви против Финляндии» (*Kerojärvi v. Finland*), 19.07.1995 г., серия А, № 322, стр. 16, п. 42).

Суд считает, что этот факт сам по себе является нарушением пункта 1 статьи 6 (ст. 6-1).

34. Нарушение, о котором идет речь, усугубляется фактом участия Генерального прокурора в заседании суда, пусть даже только в качестве консультанта. Сам факт его присутствия предоставлял ему дополнительную возможность оказать влияние на решение суда, принятое при закрытых дверях, не опасаясь при этом никаких возражений, – по крайней мере, со стороны могло создаться такое впечатление (см. вышеуказанное судебное решение по делу Боргерс, стр. 32, п. 28).

Тот факт, что присутствие на заседании предоставляло Генеральной прокуратуре возможность способствовать обеспечению единства судебной практики, не меняет вышеприведенного вывода, поскольку присутствие на заседании не является единственным способом содействовать достижению указанной цели, как явствует из практики большинства стран-членов Совета Европы.

Таким образом, в отношении вышеуказанного также имело место нарушение положений пункта 1 статьи 6 (ст. 6-1).

«Ван Оршовен против Бельгии» (*Van Orshoven v. Belgium*), судебное решение от 25 июня 1997 г.

37. Суд, в первую очередь, отметил, что характер функций Генеральной прокуратуры в Кассационном суде не меняется в зависимости от того, рассматривается ли гражданское или уголовное дело, либо дисциплинарный проступок. В любом случае основная обязанность Генеральной прокуратуры состоит в том, чтобы оказывать помощь Кассационному суду в ходе слушаний и обсуждения дела, а также обеспечивать последовательное соблюдение правил судебной практики.

38. Во-вторых, следует отметить, что Генеральная прокуратура действует в строгом соответствии с принципом объективности. С этой точки зрения, выводы в отношении независимости и беспристрастности Кассационного суда и представителя Генеральной прокуратуры при этом суде, изложенные в решении по делу «Делькур против Бельгии» (*Delcourt v. Belgium*) и по делу «Боргерс против Бельгии» (см. стр. 17-19 пп. 32-38 и стр. 31 п. 24, соответственно), в полной мере являются обоснованными.

39. Тем не менее, так же, как и в решении по делу «Боргерс против Бельгии» (см. стр. 32 п. 26), Суд считает, что следует придавать большое значение роли представителя Генеральной прокуратуры в ходе судебного разбирательства и, в частности, содержанию его заключений и выводам из них. Авторитетность мнения представителя Генеральной прокуратуры является следствием самого статуса Генеральной прокуратуры. Хотя это мнение является объективным и основанным на нормах права, оно, тем не менее, носит характер возможного варианта разрешения ситуации по делу и, соответственно, оказывает влияние на Кассационный суд. В связи с этим Правительство подчеркивает важность роли Генеральной прокуратуры в обеспечении последовательного соблюдения правил судебной практики Кассационного суда.

40. В своем решении по делу «Делькур против Бельгии» (*Delcourt v. Belgium*) Суд отметил, что в своем решении о необходимости применения положений пункта 1 статьи 6 (ст. 6-1) Суд руководствовался тем, что «решение Кассационного суда... может в различной степени отразиться на положении заинтересованных лиц» (стр. 13-14, п. 25). Суд пришел к аналогичным выводам по некоторым другим делам, касающимся разных стран (см. судебные решения, вынесенные по следующим делам, с учетом соответствующих изменений: «Пакелли против Германии» (*Pakelli v. Germany*), 25.04.1983 г., серия А № 64, стр. 17, п. 36, «Фам Хоанг против Франции» (*Pham Hoang v. France*), 25.09.1992 г., серия А № 243, стр. 23, п. 40 и «Руиз-Матеос против Испании» (*Ruiz-Mateos v. Spain*), 23.06.1993 г., серия А № 262, стр. 25, п. 63, вышецитированное судебное решение по делу «Лобу Машаду против Португалии» (*Lobo Machado v. Portugal*), стр. 206, п. 30, а также вышецитированное судебное решение по делу «Вермюлен против Бельгии» (*Vermeulen v. Belgium*), стр. 233, п. 32). Указанное применимо и к настоящему делу, поскольку обжалование на основании неправильного применения норм материального или процессуального права, ставило под вопрос законность исключения заявителя из реестра, за которым последовал официальный запрет на медицинскую практику.

41. Таким образом, с учетом степени важности разбирательства в суде для заявителя, а также сути заключения заместителя Генерального прокурора, а также того обстоятельства, что заявителю не была предоставлена возможность ознакомиться с копией заключения Генерального прокурора и ответить на него до того, как было принято решение, в данном случае имело место нарушение права заявителя на состязательный процесс. Принцип состязательности означает, что стороны процесса имеют право ознакомиться со всеми доказательствами и замечаниями, приобщенными к делу, и высказать свое мнение в связи с указанными доказательствами и замечаниями (см., помимо прочих источников, судебные решения, вынесенные по следующим делам, с учетом соответствующих изменений: «Вермюлен против Бельгии» (*Vermeulen v. Belgium*), стр. 234, п. 33, «Нидерест-Хубер против Швейцарии» (*Nideröst-Huber v. Switzerland*), 18.02.1997 г., Сборник судебных решений 1997-I, стр. 108, п. 24).

42. Таким образом, имело место нарушение положений пункта 1 статьи 6.

«К.Д.Б. против Нидерландов» (*K.D.B. v. the Netherlands*), судебное решение от 27 марта 1998 г.

43. В рамках настоящего решения Судом отмечено сходство ряда существенных признаков процедуры Верховного суда Нидерландов и Кассационного суда Бельгии. Во-первых, целью высказывания заместителем Генерального прокурора консультативного мнения, является оказание Верховному суду помощи и обеспечение последовательного соблюдения правил судебной практики. Во-вторых, следует отметить, что Генеральная прокуратура обязана действовать в строгом соответствии с принципом объективности (см., помимо прочих источников, судебные решения, вынесенные по следующим делам, с учетом соответствующих изменений: «Вермюлен против Бельгии» (*Vermeulen v. Belgium*), 20.02.1996 г., Сборник судебных решений 1996-I, стр. 233, §§ 29 и 30 и «Ван Орсховен против Бельгии» (*Van Orshoven v. Belgium*), 25.06.1997 г., Сборник судебных решений 1997-III, стр. 1050–51, §§ 37 и 38).

Как указано в материалах дел против Бельгии, Суд счел, что следует придавать большое значение роли, которую в ходе судебного разбирательства играет представитель Генеральной прокуратуры, и, в частности, содержанию его заключений и выводам из них. Авторитетность мнения представителя Генеральной прокуратуры является следствием самого статуса Генеральной прокуратуры. Хотя это мнение является объективным и основанным на нормах права, оно, тем не менее, носит характер возможного варианта разрешения ситуации по делу и, соответственно, оказывает влияние на Верховный суд (см. цитированные выше судебные решения, вынесенные по делу «Вермюлен», стр. 233, § 31 и по делу «Ван Орсховен», стр. 1051, § 39).

44. С учетом степени важности разбирательства в Верховном суде для заявителя, а также сути мнения заместителя Генерального прокурора, носящего характер возможного разрешения ситуации по делу, а также того обстоятельства, что ответчику не была предоставлена возможность выступить с ответным словом, решение Верховного суда было принято в нарушение права заявителя на состязательный процесс. Принцип состязательности означает, что стороны уголовного или гражданского процесса имеют право ознакомиться со всеми доказательствами и замечаниями, приобщенными к делу и высказать свое мнение в связи с указанными доказательствами и замечаниями, даже если такие доказательства и замечания предоставляются независимым

сотрудником государственной юридической службы с целью оказать влияние на суд при принятии решения (см., помимо прочих источников, вышеупомянутые судебные решения, вынесенные по следующим делам, с учетом соответствующих изменений: «Вермюлен», стр. 234, § 33 и «Ван Орсховен», стр. 1051, § 41).

Таким образом, имело место нарушение положений пункта 1 статьи 6.

«Василеску против Румынии» (*Vasilescu v. Romania*), судебное решение от 22 мая 1998 г.

В своем решении от 20.10.1994 г. (Верховный) Суд постановил, что жалоба заявительницы сводится к обжалованию следственного действия. В результате, по мнению Суда, дело выходит за рамки юрисдикции гражданских судов, и только прокурор области Арджеш (Argeş) сможет решить данный вопрос. При этом не возникает никаких сомнений (и ни одна из сторон это не отрицает) в том, что иск заявительницы подпадал под положения статьи 6 в её гражданско-правовой части, поскольку она намеревалась вернуть ранее конфискованную собственность (см. пункт 14 выше).

Суд подчеркивает, что госпожа Василеску уже обращалась к прокурору области Арджеш, а затем к Генеральному прокурору. Каковы бы ни оказались результаты её обращений (см. пункты 11 и 12 выше), а также новых жалоб, которые она, в соответствии с решением Верховного суда, может подать прокурору области Арджеш, для соблюдения положения статьи 6 Конвенции необходимо, чтобы, органы власти, принявшие дело к производству, имели соответствующие качества «суда» в смысле данного положения. Следовательно, Суд выяснит, соответствует ли это действительности.

40. Суд отметил, что работниками прокуратуры, которая, в соответствии с законом № 92 от 4 августа 1992 г., выступает в качестве правопреемника ранее существовавшей прокуратуры, выступают магистраты, которые в своей работе подчиняются Генеральному прокурору. Министерство юстиции осуществляет контроль всех работников прокуратуры, в том числе и генерального прокурора.

Даже если, как в данном случае, представитель прокуратуры наделен судебными полномочиями, он действует в качестве должностного лица прокуратуры, подчиненного, в первую очередь, генеральному прокурору, а затем уже Министерству юстиции.

41. Суд напоминает, что термин «суд» в смысле пункта 1 статьи 6 применяется исключительно к органу, осуществляющему полноту юрисдикции и при этом отвечающему ряду требований, в частности, требованию независимости от исполнительной власти, а также от сторон дела (см., помимо прочих источников, судебное решение, вынесенное по делу «Бомартен против Франции» (*Beaumartin c. France*) от 24 ноября 1994 г., серия А № 296-В, стр. 63, § 38). Указанные требования не были соблюдены ни прокурором области Арджеш, ни Генеральным прокурором.

Таким образом, имело место нарушение положений пункта 1 статьи 6.

«Миллан-и-Торнес против Андорры» (*Millan i Tornes v. Andorra*) (спор был урегулирован дружески), № 35052/97, ЕСПЧ 1999-IV

21. Суд принял к сведению факт мирового соглашения в споре между Правительством и господином Милланом-и-Торнесом. В связи с этим Суд отметил, что 20.05.1999 г. вступил в силу законодательный акт о внесении изменений в закон «О Конституционном суде» от 03.07.1993 г., согласно которому стороны судебного процесса получили право непосредственного обращения в Конституционный суд путем подачи апелляции в соответствии с процедурой ампаро, не обращаясь при этом за предварительным разрешением в Государственный совет. Суд также отметил, что в соответствии с положениями пункта 2 указанного законодательного акта, регламентирующими порядок действий в переходный период, лица, которым Государственный совет отказал в разрешении подать апелляцию в соответствии с процедурой ампаро, получили право подать такую апелляцию в течение пятнадцати дней с момента вступления в силу этого законодательного акта.

«Брумареску против Румынии» (*Brumărescu v. Romania*) [БП], № 28342/95, ЕСПЧ 1999-VII

61. Право на справедливое судебное разбирательство, гарантированное положениями § 1 статьи 6 Конвенции, следует толковать в свете Преамбулы к Конвенции, которая, помимо прочего, гарантирует соблюдение принципа верховенства права, который является общим для всех государств-участников Конвенции. Одним из основополагающих аспектов принципа верховенства права является требование правовой определенности, согласно которому, помимо прочего, в случаях, когда суд вынес окончательное решение по делу, постановление суда не должно подвергаться сомнению.

62. В данном деле Суд отметил, что в течение довольно длительного промежутка времени у Генерального прокурора Румынии (который не принимал участия в процессе), в соответствии со статьей 330 Гражданско-процессуального кодекса, имелось право требовать отмены окончательного решения суда. Суд также отметил, что для реализации этого права у Генерального прокурора отсутствуют ограничения по времени, иными словами для отмены решений суда отсутствуют сроки давности.

Кроме того, Суд отметил, что предоставляя подобные полномочия для подачи апелляций, Верховный суд отменяет результаты процесса отправления правосудия и принятого по его итогам – используя терминологию Верховного суда – «не имеющего обратной силы» решения, т.е. нарушается принцип недопустимости повторного рассмотрения, однажды решенного дела, особенно, если такое решение уже было приведено в исполнение.

Подобное применение положений статьи 330 со стороны Верховного суда является нарушением принципа правовой определенности. Применительно к обстоятельствам данного дела, указанные действия являются нарушением права заявителя на справедливое судебное разбирательство, гарантированное положениями пункта 1 статьи 6 Конвенции.

Таким образом, имело место нарушение положений указанной статьи.

«Йилдирим против Австрии» (*Yildirim v. Austria*) (мотивировочная часть судебного решения), № 34308/96, 19 октября 1999 г.

Судом отмечено, заявитель по существу жалуется на отсутствие доступа к правосудию.. Однако в своей жалобе заявитель не предъявляет претензий в отношении ограничения одним годом срока подачи мужем иска об оспаривании отцовства ребенка, рожденного в браке, но при этом утверждает, что ему должна была быть предоставлена возможность обжаловать в суде отказ Генерального прокурора обратиться с подобным иском по истечении вышеуказанного срока.

...

Суд также отметил, что в соответствии с положениями статьи 158 Гражданского кодекса Генеральный прокурор вправе оспорить отцовство ребенка по истечении указанного годового срока, в течение которого иск по данному вопросу вправе подать муж, если, по мнению Генерального прокурора, такое оспаривание с его стороны служит защите интересов общества, интересов ребенка или его потомков. Ссылаясь на формулировку данных положений Гражданского кодекса и их толкование национальными судами, в том числе Административным судом, которым было явно указано, что для заявителя существовал срок давности для подачи подобного иска, и что заявитель не имел права настаивать на возбуждении дела Генеральным прокурором, Суд пришел к выводу, что заявитель отстаивает право, которое, вероятно, нельзя назвать признанным в соответствии с нормами законодательства Австрии. Таким образом, в данном случае положения § 1 статьи 6 Конвенции неприменимы.

Из вышесказанного следует, что ввиду обстоятельств, связанных с предметом рассмотрения, вышеуказанная жалоба не соответствует положениям § 3 статьи 35 Конвенции.

Суд также отметил, что, в соответствии с положениями статьи 156 Гражданского кодекса Австрии, мужу предоставляется право оспорить презумпцию отцовства в течение одного года. В соответствии с положениями статьи 158 Гражданского кодекса, по истечении указанного срока, при необходимости и если того требуют общественные интересы или интересы ребенка,

исключительным правом оспорить вышеуказанную презумпцию обладает Генеральный прокурор. В данном случае заявитель не обратился в суд в установленные сроки, но впоследствии обратился в Генеральную прокуратуру с просьбой о возбуждении такого дела. Национальные суды приняли к сведению довод заявителя о том, что тот не был осведомлен об ограничениях по времени, однако пришли к выводу, что в этом случае заявителю с учетом обстоятельств дела следовало обратиться за консультацией к квалифицированному юристу. Далее национальные суды указали и на то, что возбуждение производства по оспариванию отцовства по инициативе прокурора не отвечало бы интересам ребенка, поскольку при этом возникает вероятность, что по делу о взыскании алиментов с заявителя решение будет вынесено не в пользу ребенка, при том, что вопрос об установлении личности биологического отца ребенка может остаться открытым. Таким образом, данное дело коренным образом отличается от вышеупомянутого дела «Кроон и другие заявители против Нидерландов» (*Kroon and Others v. the Netherlands*), которое затрагивало интересы биологических родителей и их ребенка, который родился примерно через семь лет после того, как его мать развелась со своим мужем и перестала с ним общаться – в данном случае заинтересованные стороны не могли оспорить презумпцию отцовства, что мешало биологическому отцу признать ребенка и не служило ничьим интересам (там же, стр. 58, § 40).

В итоге, Суд пришел к выводу, что фактическое применение данного закона к заявителю обеспечило соблюдение справедливого баланса интересов. В частности, представляется оправданным, что по истечении установленного срока подачи иска об оспаривании отцовства интересы ребенка ставятся выше заинтересованности заявителя в опровержении презумпции отцовства. Таким образом, отказ прокурора инициировать судебное разбирательство по оспариванию презумпции отцовства не является проявлением неуважения к личной жизни заявителя. Следовательно, в этой своей части указанная жалоба должна быть отклонена как явно необоснованная в контексте положений пунктов 3 и 4 статьи 35 Конвенции.

«Варбанов против Болгарии» (*Varbanov v. Bulgaria*), № 31365/96, ЕСПЧ 2000-X

48. Заявитель по данному делу был лишен свободы на основании предписания прокурора, при этом указанное предписание было издано без обращения за консультацией к врачу-специалисту. Следует признать, что заявитель был лишен свободы именно с целью получения медицинского заключения о необходимости обращения в суд по вопросу о его госпитализации в психиатрическую лечебницу.

Однако Суд пришел к выводу о наличии возможности и необходимости получения предварительного заключения психиатра, по крайней мере, на основании имеющихся документально подтвержденных свидетельств. Указания на существование каких-либо обстоятельств, не требующих отлагательства, отсутствовали. Заявитель не состоял на учете в психиатрическом лечебном заведении и, очевидно, предоставил медицинское заключение в подтверждение своего психического здоровья. При данных обстоятельствах Суд не может признать, что при отсутствии заключения психиатра мнение прокурора и полицейского чиновника о психическом здоровье заявителя, при том, что это мнение было основано на свидетельских показаниях, датированных 1993 и 1994 годами, являлось достаточным основанием для предписания о лишении свободы, тем более учитывая, что указанное лишение свободы сроком на двадцать пять суток имело место в августе-сентябре 1995 года.

Также следует отметить, что после задержания заявитель был отправлен в психиатрическую лечебницу, где его осмотрели врачи.

Однако в деле отсутствует указание на то, что при оформлении заявителя в психиатрическую лечебницу 31 августа 1995 года выяснялось мнение принимавших его врачей о необходимости лишения заявителя свободы. Решение о лишении заявителя свободы сроком на 20 суток (впоследствии этот срок был продлен) было принято прокурором еще 27 января 1995 года без привлечения специалистов в области медицины.

Следовательно, достоверных сведений о наличии у заявителя психического расстройства не существовало.

49. Таким образом, Суд пришел к выводу о том, что лишение заявителя свободы не являлось «правомерным заключением под стражу... душевнобольного [лица]» в терминах пункта 1 (е)

статьи 5, поскольку предписание о заключении под стражу было вынесено в отсутствие медицинского заключения.

50. Далее Суд (как и Комиссия) отметил, что в редакции закона «Об общественном здравоохранении», действовавшей на тот момент, не предусматривались полномочия прокурора принудительно направлять отдельных лиц в психиатрическую клинику в целях прохождения ими психиатрического освидетельствования.

...

60. В этой связи Суд отметил, что предписание о содержании заявителя под стражей было выдано окружным прокурором, который впоследствии выступал в качестве стороны при рассмотрении в суде иска против заявителя, поданного с целью добиться его заключения в психиатрическую лечебницу (см. пункты 15 и 27 выше). Предписание окружного прокурора могло быть обжаловано исключительно вышестоящему прокурору.

Таким образом, нельзя считать, что у заявителя была возможность прибегнуть к средствам правовой защиты в соответствии с требованиями пункта 4 статьи 5 Конвенции. Положения указанного пункта гарантируют всем лицам, подвергнутым аресту или лишенным свободы, право подать жалобу в суд. Выполнение обязательной процедуры надзора за соблюдением правомерности заключения под стражу не было обеспечено ни первоначальным решением о лишении заявителя свободы, ни наличием возможности обратиться с жалобой в суд.

61. Таким образом, Суд постановил, что имело место нарушение положений пункта 4 статьи 5 Конвенции в части лишения заявителя права на обращение в суд в целях пересмотра решения о лишении его свободы.

«Кресс против Франции» (*Kress v. France*) [БП], № 39594/98, ЕСПЧ 2001-VI

1) Краткое изложение соответствующей судебной практики

64. Суд отметил, что в связи с вышеуказанными обстоятельствами возникают вопросы, схожие по существу с теми, которые были рассмотрены Судом в ряде дел, касающихся роли генерального адвоката или должностного лица, выполняющего аналогичные функции, при Кассационном или Верховном суде Бельгии, Португалии, Нидерландах и Франции (см. цитированные выше судебные решения, вынесенные по следующим делам: «Боргерс», «Вермюлен» и «Лобу Машаду»; «Ван Орсховен против Бельгии», 25.06.1997 г., Сборник судебных решений, а также «Дж. Дж. Против Нидерландов» (*J.J. v. the Netherlands*) и «К.Д.Б. против Нидерландов», 27.03.1998 г., Сборник судебных решений 1998-II; а также «Рейнхардт и Слимман-Каид»).

65. Суд постановил, что во всех вышеуказанных делах имело место нарушение положений пункта 1 статьи 6 Конвенции, поскольку у заявителей не было возможности либо заранее ознакомиться с доводами, приведенными заинтересованными должностными лицами или содержащимися в отчете судьи-докладчика, либо возразить на них. Суд также отметил, что в деле Боргерса, при рассмотрении которого затрагивался вопрос о роли генерального адвоката при Кассационном суде в производстве по уголовным делам, было принято решение о наличии нарушения положений пункта 1 статьи 6 Конвенции главным образом в силу участия генерального адвоката в совещаниях судей Кассационного суда, что является нарушением принципа равноправия сторон судебного процесса. Впоследствии отягчающее обстоятельство присутствия соответствующего должностного лица на совещаниях суда было принято во внимание только при рассмотрении дел Вермюлена и Лобу Машаду (см. выше, стр. 234, § 34, и стр. 207, § 32, соответственно), в ходе которых данный вопрос был поднят заявителями; во всех остальных случаях Суд особо отметил необходимость соблюдения права на состязательный процесс, из которого следует, что стороны вправе ознакомиться со всеми предоставленными доказательствами или доводами, или высказать свое мнение в связи с ними, даже если они предоставлены независимым сотрудником государственной юридической службы.

В заключение Суд отметил, что дела «Боргерс против Бельгии», «Дж. Дж. Против Нидерландов» и «Рейнхардт и Слимман-Каид против Франции» касались уголовного судопроизводства или имели к нему косвенное отношение. Дела «Вермюлен против Бельгии», «Лобу Машаду против Португалии» и «К.Д.Б. против Нидерландов» касались гражданского судопроизводства или имели к нему

косвенное отношение, в то время как дело «Ван Орсховен против Бельгии» касалось дисциплинарного разбирательства в отношении врача.

2) О предполагаемых особенностях административных судов

66. Ни одно из указанных дел не касалось рассмотрения спора административным судом, и поэтому Европейский Суд должен рассмотреть, насколько применимы в данном деле принципы, определенные в перечисленных выше судебных решениях.

67. Суд отметил, что после вынесения вышеупомянутого решения по делу «Боргерс против Бельгии» власти всех государств стремились доказать в Суде, что в их правовых системах функционально и организационно генеральные адвокаты и главные государственные советники отличаются от Генерального прокурора Бельгии. В частности, утверждалось, что задачи генеральных адвокатов и главных государственных советников этих государств различаются в зависимости от характера судопроизводства (уголовное, гражданское или даже дисциплинарное), что они не выступают в качестве сторон судопроизводства или чьих-либо противников, что их независимость гарантируется, и что функционально они участвуют в процессе лишь в качестве независимого эксперта (*amicus curiae*), действующего в общественных интересах или в целях обеспечения единообразия судебной практики.

68. Правительство Франции не является исключением. Его представители также настаивали на том, что институт Правительственного комиссара во французском административном судопроизводстве отличается от других институтов, критикуемых в вышеуказанных решениях Суда, поскольку в административных судах не проводится различия между судом и Государственным советом, поскольку Правительственный комиссар в силу своего статуса является таким же судьей, как и другие члены Государственного совета, и функционально схож с судьей-докладчиком, за исключением того, что Правительственный комиссар оглашает свое мнение, но не принимает участия в голосовании.

69. Суд согласился с тем, что, в силу причин исторического характера, административные суды во Франции, по сравнению с судами общей юрисдикции, обладают рядом особых отличительных черт.

Следует отметить, что сам факт учреждения и существования административных судов можно назвать одним из значительных достижений правового государства: для признания права этих судов принимать решения в отношении действий административных властей пришлось преодолеть определенные трудности. Даже сегодня способ пополнения кадрового состава, особый статус, отличный от судов общей юрисдикции, и особые отличительные черты системы административных судов (см. пункты 33-52 выше) показывают, как непросто органам исполнительной власти смириться с правом этих судов подвергать их действия пересмотру.

Суд также признал неоспоримыми различия функций Правительственного комиссара и Государственного совета, а также и то, что институт Правительственного комиссара является уникальным и присущ только административному судопроизводству Франции.

70. При этом то обстоятельство, что административные суды и институт Правительственного комиссара успешно, по мнению правительства Франции, функционируют уже более века, не может служить оправданием несоблюдения современных требований европейского права (см. судебное решение по делу «Делькур против Бельгии» (*Delcourt v. Belgium*) от 17 января 1970 г., серия А, № 11, стр. 19, § 36). В связи с этим Суд повторно подчеркивает утверждение о том, что Конвенция - это живой инструмент, который следует интерпретировать в свете текущих обстоятельств и настроений, преобладающих в современных демократических государствах (см. также судебное решение по делу «Бургхарц против Швейцарии» (*Burghartz v. Switzerland*) от 22.02.1994 г., серия А, № 280-В, стр. 29, § 28).

71. Независимость и беспристрастность Правительственного комиссара никогда не ставилась под сомнение. По мнению Суда, существование этого института и его международный статус не вызывают вопросов в свете положений Конвенции. Тем не менее, Суд придерживается того мнения, что бесспорные независимость и неподотчетность Комиссара вышестоящим должностным лицам, сами по себе, не являются достаточным основанием полагать, что отсутствие у сторон возможности ознакомиться с заключением Комиссара и высказать по поводу него свое мнение, не может считаться нарушением принципа справедливого судебного разбирательства.

Более того, особое внимание следует уделить фактической роли Правительственного комиссара в судопроизводстве: в частности, содержанию его замечаний и выводов (см. также, вышеупомянутое судебное решение по делу «Ван Орсховен против Бельгии», стр. 1051, § 39).

3) О неразглашении содержания заявлений Правительственного комиссара и об отсутствии возможности ответить на них до и во время судебных слушаний

72. Суд постоянно подчеркивает, что принцип равноправия сторон является одним из элементов общей концепции справедливого судебного разбирательства и требует того, чтобы каждой из сторон процесса была предоставлена разумная возможность изложить свою позицию при таких условиях, которые не ставили бы эту сторону в существенно невыгодное положение по отношению к противоположной стороне (см. также судебное решение по делу «Нидерест-Хубер против Швейцарии» (*Nideröst-Huber v. Switzerland*) 18.02.1997 г., Сборник судебных решений 1997-1, стр. 108-08, § 23).

73. Суд отмечает, что вне зависимости от того, что по большинству дел замечания Правительственного комиссара не оформляются в письменном виде, из описания порядка судопроизводства в Государственном Совете (см. пункты 40-52 выше) следует, что впервые Правительственный комиссар устно оглашает свое заключение только во время открытого заседания по делу, а также и то, что стороны, судьи и третьи лица знакомятся с этим заключением и содержащимися в нем рекомендациями лишь при указанных обстоятельствах.

Таким образом, заявитель не может выделить из общего принципа равноправия сторон, закрепленного в пункте 1 статьи 6, право быть ознакомленным с доводами Правительственного комиссара до судебного разбирательства, при том, что ни другая сторона, ни судья-докладчик, ни судебная коллегия такой возможности не имеют (см. судебное решение по делу «Нидерест-Хубер против Швейцарии», там же). При таких обстоятельствах указанный принцип не нарушается.

74. Тем не менее, принцип состязательности означает, что стороны уголовного или гражданского процесса имеют право ознакомиться со всеми доказательствами и замечаниями, приобретенными к делу и высказать свое мнение, даже если такие доказательства и замечания предоставляются независимым сотрудником государственной юридической службы с целью оказать влияние на решение суда (см. судебные решения по следующим делам: «Вермюлен», стр. 234, § 33, «Лобу Машаду», стр. 206-207, § 31, «Ван Орсховен», стр. 1051, § 41, «К.Д.Б.», стр. 631, § 44 и «Нидерест-Хубер», стр. 108, § 24).

75. Говоря об отсутствии у сторон возможности ответить на замечания Правительственного комиссара в конце слушаний, Суд ссылается на вышеупомянутое решение по делу «Рейнхардт и Слимман-Каид». В этом деле Суд выявил нарушение положений пункта 1 статьи 6 Конвенции, поскольку отчет судьи-докладчика был передан генеральному адвокату, но не был разослан сторонам процесса (там же, стр. 665-66, § 105). С другой стороны, в отношении замечаний Генерального адвоката, Суд указал следующее:

«Тот факт, что мнение генерального адвоката не было доведено до сведения заявителей, вызывает сомнение.

Следует отметить, что в соответствии с существующей судебной практикой генеральный адвокат сообщает адвокатам сторон не позднее, чем за сутки до начала слушания, общий смысл своего выступления, и по делам, при рассмотрении которых, по просьбе адвокатов проводятся устные слушания, стороны имеют право ответить на замечания Генерального адвоката в устной форме, а также направить в суд письменное обращение для рассмотрения в процессе разбирательства дела... Следует отметить, что в кассационной инстанции рассматриваются исключительно вопросы права, и интересы сторон представляют высококвалифицированные адвокаты. Такой порядок предоставляет сторонам возможность ознакомиться с заключением генерального адвоката и ответить на него должным образом. Тем не менее, указания на то, что в рассматриваемый период подобная практика уже существовала, отсутствуют» (стр. 666, § 106).

76. В отличие от позиции, занятой Судом по делу «Рейнхардт и Слимман-Каид», в этом деле не оспаривается, что при проведении судебного разбирательства в Государственном совете адвокаты, при желании, вправе до начала слушаний обратиться к Правительственному комиссару с просьбой ознакомить их с общим смыслом его выступления. Также не оспаривается то, что у сторон имеется возможность ответить на замечания Правительственного комиссара путем направления на рассмотрение суду соответствующего меморандума. Такая практика, очень важная с точки зрения Суда, обеспечивает соблюдение принципа состязательности сторон в судебном процессе. В рассматриваемом деле адвокат поступил именно так (см. пункт 26).

В заключение следует отметить, что если Правительственный комиссар в ходе своего устного выступления на слушании затрагивает вопрос, который не освещался сторонами, председательствующий судья откладывает рассмотрение дела, чтобы дать сторонам возможность представить свои аргументы по этому вопросу (см. пункт 49).

В свете всего вышесказанного, Суд посчитал, что процедура, применяемая Государственным советом, предоставляет сторонам достаточные процессуальные гарантии, а потому не следует ставить вопрос о нарушении права на справедливое судебное разбирательство в части соблюдения принципа состязательности.

Следовательно, в этом отношении отсутствует нарушение положений пункта 1 статьи 6 Конвенции.

4) Об участии Правительственного комиссара на заседаниях Государственного Совета

77. Суд принимает во внимание, что, по мнению Правительства Франции, Правительственный комиссар является полноправным членом суда и действует, можно сказать, в качестве второго судьи-докладчика. Таким образом, его присутствие на заседании судей и даже голосование с его участием не должно вызывать никаких возражений.

78. То обстоятельство, что член суда открыто высказывает свое мнение по делу, можно считать развитием принципа «прозрачности» процесса. Указанный принцип скорее способствует более благоприятной реакции сторон и общественности на решение суда, поскольку в случае принятия доводов Правительственного комиссара судом, они будут являться своеобразным комментарием к самому решению. Если же доводы Правительственного комиссара не принимаются судом и не включаются в решение, они станут своего рода особым мнением, которое сможет оказаться полезным для участников судебных процессов и правозащитников в будущем.

Кроме того, открытое высказывание судьей своего мнения не является нарушением принципа беспристрастности как такового. В ходе заседания Правительственный комиссар выступает в качестве одного из судей наряду с другими судьями. Поэтому, находясь в меньшинстве, своим мнением он не может повлиять на решение суда. При этом, численный состав суда, рассматривающего дело, значения не имеет (секция, объединенная секция, отдел или коллегия). Также следует отметить, что в рассматриваемом деле заявитель не поднимал вопрос о личной беспристрастности или независимости Правительственного комиссара.

79. Тем не менее, по мнению Суда, утверждение о том, что, Правительственный комиссар участвует в разбирательстве дела наравне с другими судьями, но права голосовать не имеет, противоречиво и непоследовательно. Лишая Правительственного комиссара права голоса в целях соблюдения тайны совещательной комнаты, национальное законодательство значительно ослабляет довод властей Франции о том, что Правительственный комиссар является полноправным судьей: судья не вправе воздерживаться от участия в голосовании, за исключением случаев самоотвода. Более того, сложно представить ситуацию, при которой одним судьям предоставляется право открыто высказывать свое мнение, а другие вправе высказываться только во время закрытого судебного заседания.

80. Кроме того, рассуждая таким образом и рассматривая жалобу заявителя на неоглашение содержания доводов Правительственного комиссара до начала слушаний и на непредоставление заявителю возможности ответить на указанные доводы, Суд согласился с тем, что, для обеспечения соблюдения принципа состязательности сторон, роль Правительственного комиссара в административном судопроизводстве требует определенных процессуальных гарантий (см. пункт 76). Таким образом, принимая решение об отсутствии нарушения положений статьи 6 Конвенции по этому вопросу, Суд исходил не из беспристрастности комиссара по отношению к сторонам, а из наличия достаточных процессуальных гарантий заявителя, уравнивающих полномочия Правительственного комиссара. Суд пришел также к выводу о том, что такой подход распространяется и на жалобу об участии Правительственного комиссара при разбирательстве дела.

81. В заключение нужно обратить внимание и на взгляд со стороны. Тот факт, что Правительственный комиссар открыто высказывает свое мнение относительно принятия или отклонения доводов сторон, дает основание считать, что он принимает сторону одной из них.

По мнению Суда, участник процесса, не знакомый со всеми тонкостями административного судопроизводства, вполне естественно может посчитать Правительственного комиссара своим оппонентом, поскольку последний высказывается против удовлетворения его просьбы об обжаловании судебного решения, принятого с нарушением норм материального или процессуального права. И наоборот, поддерживая доводы стороны, Правительственный комиссар может казаться и ее союзником.

Суд также допускает, что у одной из сторон может создаться впечатление неравенства сторон, если в конце судебного заседания по оглашении доводов Правительственного комиссара, направленных против нее, эта сторона увидит, как комиссар удаляется вместе с судом в совещательную комнату (см. судебное решение по делу «Делькур», с учетом соответствующих изменений, стр. 16-17, § 30).

82. После принятия решения по делу «Делькур» Суд неоднократно указывал, что, хотя независимость и беспристрастность Генерального адвоката или должностного лица, выполняющего аналогичные функции, в некоторых верховных судах не вызывает сомнений, повышенное внимание общественности к вопросам справедливости административного судопроизводства приводит к тому, что внешним проявлениям судопроизводства (*arrearances*) придается все большее и большее значение (см. упоминавшееся выше судебное решение, вынесенное по делу «Боргерс против Бельгии», стр. 31, § 24).

По этой же причине Суд постановил, что, несмотря на признанную объективность Генерального адвоката или должностного лица, выполняющего аналогичные функции, это должностное лицо, давая рекомендацию об удовлетворении или отказе в удовлетворении в просьбе об обжаловании судебного решения на основании неправильного применения норм материального или процессуального права, объективно говоря, становилось союзником или противником сторон. Таким образом, его присутствие на заседании со стороны производит впечатление еще одной возможности настоять на своих выводах без свидетелей, не опасаясь, таким образом, возражений (см. вышеупомянутые судебные решения, вынесенные по следующим делам: «Боргерс», «Вермюлен» и «Лобу Машаду» стр. 31-32, § 26, стр. 234, § 34 и стр. 207, § 32, соответственно).

83. Суд не усматривает оснований для отступления от приведенной выше сложившейся судебной практики, даже в тех случаях, когда дело касается Правительственного комиссара, чье мнение не подкрепляется властными полномочиями Государственного совета (см. вышецитированные судебные постановления, вынесенные по следующим делам, с учетом соответствующих изменений: «Дж. Дж.» и «К.Д.Б.», стр. 612-613, § 42, и стр. 631, § 43, соответственно).

84. Суд также отмечает, что в данном деле, в отличие от дел «Вермюлен» и «Лобу Машаду», не выдвигался тот аргумент, что присутствие Правительственного комиссара необходимо в целях обеспечения единообразия судебной практики или для помощи в окончательном формулировании решения (см. ранее цитировавшееся судебное постановление, вынесенное по делу «Боргерс», стр. 32, § 28 с учетом соответствующих изменений). Как ясно следует из объяснений властей Франции, присутствие Правительственного комиссара оправдано тем обстоятельством, что, будучи лицом, исследовавшим материалы дела последним, он сможет во время совещания судей ответить на любой вопрос по сути дела.

85. По мнению Суда, пользу для суда от такой технической помощи следует соизмерять с высшими интересами участника процесса, который должен иметь гарантии того, что Правительственный комиссар своим присутствием на закрытом совещании суда не повлияет на принимаемое по результатам судебного заседания решение. Действующая правовая система Франции таких гарантий не предоставляет.

86. То обстоятельство, что Генеральный адвокат при Суде Европейских Сообществ, чьи функции во многом сходны с функциями Правительственного комиссара во Франции, не участвует в совещании суда (ст. 27 Регламента Суда Европейских сообществ), лишь подтверждает такой подход Суда.

87. В заключение Суд отмечает, что имело место нарушение положений пункта 1 статьи 6 Конвенции в виде участия Правительственного комиссара в совещании судей.

«Платаку против Греции» (*Platakou v. Greece*), № 38460/97, ЕСПЧ 2001-I

45. По сообщению правительства Греции, государство представлено в судах государственным органом, точнее Государственным советом по правовым вопросам, сотрудники которого в обязательном порядке уходят в отпуск на время судебных каникул. Таким образом, на это время государственный аппарат функционирует по сокращенному штатному расписанию. При этом частные лица и их представители вправе свободно выбирать время для отпуска и эффективно отстаивать свои интересы даже в период судебных каникул. В этой связи представляется правильным, что в период судебных каникул время не должно работать против государства.

46. В соответствии с возражением заявительницы, применение Судом приостановления течения срока на время судебных каникул было связано именно с тем, что Государственный совет по правовым вопросам является государственным органом. Она подчеркнула, что, подобно государственным служащим, участники процесса и их адвокаты уходят в отпуск летом.

47. Суд в очередной раз подчеркивает, что равноправие сторон является одним из элементов более широкого по смыслу принципа справедливого судебного разбирательства и предполагает, чтобы каждой из сторон процесса была предоставлена разумная возможность изложить свою позицию в условиях, которые не ставят эту сторону в существенно невыгодное положение по отношению к противоположной стороне (см. судебное постановление, вынесенное по делу «Домбо Бехеер Б.В. против Нидерландов» (*Dombo Beheer B.V. v. Netherlands*), 27.10.1993 г., серия А, № 274, стр. 19, § 33).

48. В данном деле Суд обращает внимание на то, что если бы течение срока в отношении обращения заявительницы было приостановлено, то ее иск о назначении окончательной единой суммы компенсации не считался бы поданным с нарушением предусмотренного законом срока. В результате, суд отмечает, что заявительница была поставлена в существенно невыгодное положение по сравнению с государством.

«АПБП против Франции» (*APBP v. France*), № 38436/97, 21 марта 2002 г.

26. В отношении отсутствия у сторон возможности ответить на заключение Правительственного комиссара в конце слушаний, как уже было отмечено Судом, в отличие от вышеупомянутого решения по делу «Рейнхардт и Слимман-Каид» (постановление от 31.03.1998 г., Сборник судебных решений 1998-II), в настоящем деле сторонами не оспаривается тот факт, что в рамках рассмотрения дел Государственным советом у адвокатов при желании имеется возможность до судебного заседания обратиться к Правительственному комиссару с просьбой изложить суть его заключения. Также не оспаривается, что у сторон имеется возможность ответить на доводы, изложенные Правительственным комиссаром, путем представления на совещание судей соответствующего меморандума. Такая практика – и это существенно с точки зрения Суда – обеспечивает соблюдение принципа состязательности судебного процесса. В заключение следует отметить, что если Правительственный комиссар в ходе своего устного выступления на слушании затронет вопрос, который не освещался сторонами, председательствующий судья откладывает рассмотрение дела, чтобы дать сторонам возможность представить свои доводы по такому вопросу (см. вышеуказанное судебное постановление, вынесенное по делу «Кресс», § 76).

27. Тем не менее, по мнению Суда, представление на совещание судей меморандума при определенных условиях способствует соблюдению принципа состязательности. В частности, у сторон процесса должна иметься возможность предоставить подобные объяснения не зависимо от решения председательствующего судьи, при этом у сторон процесса должно быть достаточно времени для подготовки таких объяснений. Вместе с тем, чтобы избежать споров относительно принятия этих объяснений во внимание высшей административно-судебной инстанцией, Суд считает, что в постановлении должно быть отражено наличие таких объяснений, как это уже вошло в практику работы Государственного совета: в решениях отражается наличие ходатайств или жалоб, зарегистрированных в секретариате Государственного совета, а также других документов, приобщенных к делу, и выступлений третьих лиц в ходе слушаний (докладчиков, консультантов сторон и Правительственного комиссара).

Суд отмечает, что в настоящем деле компания, подавшая жалобу, не воспользовалась возможностью предоставить суду объяснения на стадии вынесения решений, что нельзя оправдать простой неосведомленностью о существовании подобной практики.

При данных обстоятельствах Суд считает, что в рамках процедуры, которой придерживается Государственный совет, заявителю предоставляются достаточные гарантии, а также, что не возникает никаких вопросов относительно соблюдения права на справедливое судебное разбирательство и равноправие сторон.

Следовательно, с учетом изложенного, нарушения положений пункта 1 статьи 6 Конвенции выявлено не было.

«Бланко Кальехас против Испании» (*Blanco Callejas v. Spain*) (мотивировочная часть судебного решения), № 64100/00, 18 июня 2002 г.

Поскольку заявитель жалуется на то, что только прокуратура имеет полномочия обжаловать решения об отказе в принятии заявления, выносимые Конституционным судом, Суд отмечает, что, в соответствии с законодательством Испании, цель прокуратуры в рамках процедуры защиты конституционных прав (*ампаро*) состоит в том, чтобы защищать закон, права граждан и общественные интересы, охраняемые законом. Таким образом, прокуратура не является стороной процесса. В данном случае то обстоятельство, что прокуратура не подала указанную жалобу, не ущемляет права заявителя на справедливый процесс, который на всех его стадиях сопровождался соблюдением принципа состязательности сторон. Таким образом, данная жалоба является явно необоснованной, и ее следует отклонить в соответствии с пунктом 4 статьи 35 Конвенции.

«Геч против Турции» (*Göç v. Turkey*) [БП], № 36590/97, ЕСПЧ 2002-V

55. Суд не усматривает необходимости отступать от установленного Палатой правила о том, что недоведение до сведения заявителя содержания заключения Генерального прокурора, оглашенного в компетентном подразделении Кассационного суда, является нарушением пункта 1 статьи 6, в решении Палаты, в частности, говорилось:

“33. Как отметил Суд, Генеральный прокурор при Кассационном суде был обязан дать свое заключение по существу жалоб, поданных заявителем и Казначейством, Генеральный прокурор в письменной форме представил свое заключение, согласно которому решение о взыскании убытков, вынесенное судом первой инстанции, следовало оставить в силе. Таким образом, это заключение имело своей целью повлиять на решение Кассационного суда.

34. По мнению Суда, характер заключения Генерального прокурора и тот факт, что заявителю не была предоставлена возможность представить свои письменные возражения на указанное заключение, является нарушением права заявителя на состязательный процесс. Указанное право, по существу, означает предоставляемую участникам судопроизводства по гражданским и уголовным делам возможность ознакомиться со всеми доказательствами и замечаниями, приобщенными к делу, и высказать свое мнение по ним, даже если такие доказательства и замечания представляются независимым сотрудником государственной юридической службы, например, Генеральным прокурором, с намерением повлиять на решение суда (см., помимо прочих источников, судебное постановление, вынесенное по делу «Дж. Дж. против Нидерландов» (*J.J. v. the Netherlands*) 27.03. 1998 г., Сборник судебных решений 1998-II, стр. 613, §. 43).

35. Верно и то, что Генеральный прокурор высказывался за отклонение жалобы Казначейства. Однако, хотя такой беспристрастный подход мог бы обеспечить соблюдение принципа равноправия сторон во второй инстанции, в рамках дела, заявитель оспаривал сумму, присужденную к выплате нижестоящим судом. Таким образом, заявитель имел право в полном объеме ознакомиться со всеми заявлениями по делу, которые могли сократить его шансы на успех в Кассационном суде.

...

56. Соглашаясь с указанными аргументами, Суд, тем не менее, не согласен с занятой государством позицией о том, что из решения Суда по цитированному выше делу «Кресс», с учетом возможности сторон ознакомиться с заключением Генерального прокурора, следует другой вывод. В деле «Кресс» Суд подтвердил сложившуюся практику в отношении права на состязательный процесс при обстоятельствах, когда содержание заключения независимого служащего судебного ведомства в разбирательствах по гражданским или уголовным делам заранее не доводилось до сведения сторон по делу, и у последних отсутствовала возможность ответить на подобные заявления. В этом деле (там же, §§ 64-65) Суд в числе прочих источников приводит постановление по делу «Дж. Дж. Против Нидерландов» (*J.J. v. the Netherlands*), положенное в основу выводов Палаты. Хотя Суд не выявил фактов нарушения положений пункта 1 статьи 6 в деле «Кресс», необходимо подчеркнуть, что обстоятельства настоящего дела отличаются от указанных дел. В ходе разбирательства по делу «Кресс» Судом было отмечено, что Правительственный комиссар

первоначально выступил устно в ходе открытого слушания по делу в Государственном совете, а также что выводы и рекомендации, приведенные в выступлении были таким образом доведены до сведения участников процесса, судей и общественности (там же, § 73). Кроме того, в ходе разбирательства по делу «Кресс» не оспаривалось, что адвокат имеет возможность обратиться к Правительственному комиссару до начала слушаний с просьбой изложить общее содержание его доводов и ответить на эти доводы путем направления соответствующего меморандума, При этом если Правительственный комиссар в ходе своего устного выступления на слушании затронет вопрос, который не освещался сторонами, председательствующий судья откладывает рассмотрение дела, чтобы дать сторонам возможность представить свои доводы по такому вопросу (там же, § 76). Однако в настоящем деле указанные гарантии отсутствовали, поскольку Кассационный суд рассматривал доводы сторон без проведения слушания.

57. Что касается довода о том, что заявитель мог ознакомиться с материалами дела в секретариате Кассационного суда и получить копию заключения Генерального прокурора, Суд придерживается мнения, что это само по себе не является достаточной гарантией соблюдения права заявителя на состязательный процесс. С точки зрения Суда, соображения справедливости требуют возложить на канцелярию Кассационного суда обязанность информирования заявителя о факте подачи заключения, а также о том, что при желании заявитель вправе представить в письменной форме ответ на это заключение. Суду представляется, что на национальном уровне гарантии выполнения данного требования отсутствуют. Государство настаивает на том, что адвокат заявителя должен был знать о сложившейся практике ознакомления с материалами дела. Суд, однако, считает, что наложение на адвоката заявителя обязательства по собственной инициативе периодически осведомляться о наличии новых материалов по делу чрезмерно обременит адвоката заявителя и не обеспечит фактическую возможность ответить на представленное заключение, поскольку адвокат не владеет информацией о сроках обработки заявлений, поступающих по делу (см., судебное постановление, вынесенное по делу «Брандштеттер против Австрии» (*Brandstetter v. Austria*) от 28 августа 1991 г., серия А, № 211, стр. 27-28, § 67 с учетом соответствующих изменений). Так, Суд отмечает, что заключение, составленное 17 октября 1996 года поступило в компетентную судебную инстанцию в тот же день что и дело, 21 октября 1996 года. Решение по делу было принято 7 ноября 1996 года.

58. С учетом вышеизложенного Суд, также как и Палата, пришел к выводу о том, что имело место нарушение положений пункта 1 статьи 6 Конвенции в виде недоведения до сведения заявителя мнения Главного прокурора.

«Ивон против Франции» (*Yvon v. France*), № 44962/98, ЕСПЧ 2003 г.

29. Заявитель, в первую очередь, заявил о нарушении принципа равенства сторон в процессе по вопросу определения размера компенсации за экспроприацию, которое выразилось в привилегированном положении Правительственного комиссара.

30. Суд отметил, что Правительственный комиссар принимает участие во всех судебных разбирательствах по вопросу определения размера компенсации за экспроприацию в судах, рассматривающих дела, связанные с экспроприацией. При этом Правительственный комиссар не входит в состав указанных судов и не участвует в совещаниях судей при вынесении судебных решений. Кроме того, Правительственный комиссар не выступает на стороне прокуратуры (статьи R. 13-8 и R. 13-9 кодекса Франции об экспроприации), а также не выступает на стороне органа, осуществляющего экспроприацию (Правительственный комиссар не вправе представлять интересы последнего и представляет свои самостоятельные заключения).

Однако Правительственный комиссар полноценно участвует в процедуре определения размера компенсации за отчуждаемое имущество в указанных судебных органах: он также участвует в посещениях объектов на месте, вместе с лицом, у которого имущество было отчуждено, и органом, осуществляющий экспроприацию (статья R. 13-27 кодекса Франции об экспроприации), он «дает устные замечания по результатам своих наблюдений и представляет свои заключения», он представляет свое мнение о размере компенсации за отчуждаемое имущество (статья R. 13-32 кодекса Франции об экспроприации); он получает уведомления о решениях, выносимых судом первой инстанции (статья R. 13-36 кодекса Франции об экспроприации), он вправе обжаловать такие решения (статьи R. 13-47 и R. 13-49 кодекса Франции об экспроприации).

Исходя из вышеизложенного, Суд пришел к выводу о том, что Правительственный комиссар является «стороной» процесса по вопросу определения размера компенсации за отчуждаемое

имущество; это процессуальное положение признают за ним высшие административные судебные органы Франции (см. п. 16 выше) и, более того, Правительство не отрицает это процессуальное положение. Следовательно, порядок участия Правительственного комиссара в судебном процессе ставит под вопрос соблюдение принципа равенства сторон.

31. Суд в очередной раз подчеркнул, что принцип равенства сторон является одним из элементов более широкой концепции справедливого судебного разбирательства в соответствии с положениями пункта 1 статьи 6 Конвенции. Этот принцип требует соблюдения «справедливого баланса интересов сторон», чтобы каждой из сторон процесса была предоставлена разумная возможность изложить свою позицию при условиях, которые не ставят эту сторону в заведомо невыгодное положение по отношению к противоположной стороне (см., помимо прочих источников, судебные решения, вынесенные по следующим делам: «Анкерл против Швейцарии» (*Ankerl c. Suisse*) от 23.10.1996 г., Сборник судебных решений 1996-V, стр. 1567-1568, § 38, «Нидерест-Хубер против Швейцарии» (*Nideröst-Huber c. Suisse*) от 18.02.1997 г., Сборник судебных решений 1997-I, стр. 107-108, § 23 и «Кресс против Франции» (*Kress c. France*) [БП], № 39594/98, § 72, ЕСПЧ 2001-VI).

32. Суд отметил, что основной целью Правительственного комиссара является обеспечение целевого использования государственных средств, а также с этой целью, осуществление надзора, в частности, за тем, чтобы размер компенсации, выплачиваемой за отчуждаемое имущество, не превышал действительной стоимости отчуждаемого имущества. Таким образом, Правительственный комиссар защищает интересы, сходные с интересами, которые защищает орган, осуществляющий экспроприацию, стремящийся к тому, чтобы сумма компенсации была умеренной. В дополнение к этому иногда Правительственный комиссар, как в рассматриваемом деле, представляет тот же административный орган, иногда даже то же подразделение, которое представляет орган, осуществляющий экспроприацию. На самом деле, функции Правительственного комиссара выполняются руководителем налоговой службы (по вопросам имущества) департамента Франции, в котором находится суд, рассматривающий дела, связанные с экспроприацией, или выполняются другим должностным лицом того же административного органа (статья R. 13-7 кодекса Франции об экспроприации). Что касается представления интересов государства как лица, осуществляющего экспроприацию, то в некоторых департаментах Франции, как, например, в департаменте Шарант-Маритим, интересы государства представляют должностные лица-сотрудники той же самой налоговой инспекции департамента (по вопросам имущества) (статьи R. 178 и R. 179 Кодекса управления государственным имуществом (*code du domaine de l'Etat*)). Соответственно, может сложиться ситуация, как например, произошло в настоящем деле, при которой Правительственный комиссар иерархически будет вышестоящим должностным лицом по отношению к представителю государства, осуществляющего экспроприацию, что ведет к частичному совпадению функций этих сторон.

Указанные обстоятельства, которые, как видно, ведут к тому, что в ходе процедуры определения размера компенсации за отчуждаемое имущество интересы органа, осуществляющего экспроприацию, представляют два лица, ведут к укреплению позиции одной из сторон по отношению к другой стороне и, естественно, к ослаблению позиции лица, у которого было отчуждено имущество. Однако самих по себе этих обстоятельств недостаточно для того, чтобы сделать вывод о нарушении принципа равенства сторон. С подобными ситуациями в настоящее время часто сталкиваются многие судебные органы государств-участников Конвенции: либо одна из сторон противостоит нескольким участникам процесса, отстаивающим схожие или совпадающие интересы, либо основная противная сторона и сторона, примыкающая к ней, преследуют одну и ту же цель.

Иными словами, сам факт того, что несколько участников процесса отстаивают схожие точки зрения в одном и том же судебном органе, не обязательно ведет к тому, что противная сторона при этом попадает в «заведомо невыгодное» для себя положение в ходе судебного процесса.

33. Остается лишь удостовериться в том, что в рассматриваемом деле с учетом порядка участия в процессе Правительственного комиссара, принцип «справедливого баланса», который должен главенствовать между сторонами, был соблюден.

34. В ходе рассмотрения дела каждая из сторон представила свою оценку стоимости отчуждаемого имущества; вопрос стоимости отчуждаемого имущества был основным вопросом всего судебного разбирательства, стоимость имущества зависела от состояния рынка недвижимости. С этой целью стороны должны были предоставить данные для сравнения, основанные на сделках с подобного рода недвижимостью; из данных, представленных сторонами,

суд выбрал те примеры, которые, по его мнению, наиболее полно соответствовали состоянию рынка недвижимости.

Как уже было указано выше, фактически функции Правительственного комиссара передаются руководителю налоговой службы (по вопросам имущества) соответствующего департамента Франции, в котором находится суд, рассматривающий дело, связанное с экспроприацией, или выполняются другим должностным лицом того же административного органа. В этом качестве (так же как и орган, осуществляющий экспроприацию) Правительственный комиссар получает право доступа к реестру недвижимого имущества, который содержит информацию о всех имевших место операциях с недвижимостью. С другой стороны, лицу, у которого было отчуждено имущество, предоставляется лишь ограниченный доступ к реестру, право открытого доступа частных лиц к такому реестру отсутствует: частные лица могут получить лишь выдержки из записей в реестре при условии направления запроса по ограниченному кругу вопросов (статья 39 постановления № 55-1350 от 14 октября 1955 г.). Таким образом, даже на этом этапе лицо, имущество которого было отчуждено, находится в невыгодном положении по отношению к противной в процессе стороне.

35. К тому же, на первоначальном этапе отсутствуют какие-либо документы, обязывающие Правительственного комиссара, в отличие от представителей других сторон (статьи R. 13-22 и R. 13-23 кодекса Франции об экспроприации), оглашать содержание своих документов; Правительственному комиссару достаточно предоставить их в канцелярию суда, он даже не обязан доводить содержание этих документов до сведения других участников процесса. При этом Правительственный комиссар выступает последним как в судах апелляционной, так и судах первой инстанции (статьи R. 13-31 и R. 13-32 кодекса Франции об экспроприации).

36. В заключение отметим, что в судах первой инстанций и апелляционной (статья R. 15-53 кодекса Франции об экспроприации) выводы Правительственного комиссара имеют особый вес, когда, согласно этим выводам, указана меньшая сумма оценки отчуждаемого имущества по сравнению с той суммой, что указана органом, осуществляющим экспроприацию.

Согласно положениям статьи R. 13-35 кодекса Франции об экспроприации, «судья выносит постановления в рамках заключений, представленных сторонами (...) и Правительственным комиссаром, если, по оценке последнего, сумма оценки меньше, чем сумма, указанная органом, осуществляющим экспроприацию»; согласно положениям статьи R. 13-36 того же кодекса, в таком случае, «если судья отвергает выводы, представленные Правительственным комиссаром (...), он должен обосновать свое решение».

Суд признает суть этого правила и понимает логику, на котором оно основано: функции Правительственного комиссара осуществляются руководителем налоговой службы (по вопросам имущества), который, в соответствии со своими полномочиями по решению вопросов административного, налогового и имущественного характера, достаточно опытен в вопросах техники оценки объектов недвижимости, экспертного анализа, и имеет доступ к наиболее важной информации по данному вопросу; также Правительственный комиссар занимает более удобное положение для информирования судьи о стоимости отчуждаемого имущества и выполняет функции, сходные с функциями «эксперта».

Тем не менее, такие правила в значительной степени связывают судью позицией Правительственного комиссара; судья не обязан обладать таким же опытом в оценке объектов недвижимости, что и руководитель налоговой службы, судья также не вправе назначить другого специалиста по оценке на стадии разбирательства в суде первой инстанции (статья R. 13-28 кодекса Франции об экспроприации) и может только попросить предоставление иного экспертного мнения на этапе рассмотрения апелляции «только (...) на основании мотивированного судебного запроса» (статья R. 13-52 кодекса Франции об экспроприации). Лицо, у которого было отчуждено имущество, безусловно, вправе провести отдельную экспертизу за свой счет, однако судья не обязан придавать ее результатам такой же вес, как и заключению Правительственного комиссара.

К вышеизложенному следует добавить, что это правило подлежит толкованию не в пользу лица, у которого было отчуждено имущество, поскольку суд не обязан отдельно указывать мотивы, по которым он отклоняет выводы Правительственного комиссара, в которых указана сумма оценки, превышающая сумму, указанную органом, осуществляющим экспроприацию.

37. В итоге, в рамках процедуры определения размера компенсации за отчуждаемое имущество, против лица, у которого было отчуждено имущество, выступает не только орган, осуществляющий

экспроприацию, но и Правительственный комиссар; Правительственный комиссар и орган, осуществляющий экспроприацию, интересы которого в некоторых случаях представляет должностное лицо, являющееся сотрудником той же организации, что и Правительственный комиссар, пользуются существенными преимуществами в плане свободы доступа к необходимой информации; кроме того, Правительственный комиссар, одновременно выступающий в качестве эксперта и стороны процесса, занимает доминирующее положение в рамках указанной процедуры и может оказать существенное влияние на мнение судьи (см., с учетом соответствующих изменений, судебное решение, вынесенное по делу «Бениш против Австрии» (*Bönisch c. Autriche*) 06.05.1985 г., серия А № 92). По мнению Суда, все вышеперечисленные обстоятельства создают дисбаланс интересов не в пользу лица, чье имущество было отчуждено, что несовместимо с принципом равенства сторон. Таким образом, согласно мнению Суда в данном случае имеет место нарушение указанного принципа и положений пункта 1 статьи 6 Конвенции.

«Ф.В. против Франции» (*F.W. v. France*), № 61517/00, 31 марта 2005 г.

25. В отношении второй части жалобы Суд отметил, что Правительство не утверждало, что генеральный адвокат не присутствовал на совещаниях судей. Таким образом, Суд считает факт присутствия генерального адвоката на совещании судей не подлежащим сомнению.

26. При этом Суд напоминает, что в соответствии с теорией «взгляда со стороны» (касательно внешних атрибутов справедливого судопроизводства), факт участия генерального адвоката с правом совещательного голоса (см. судебные решения, вынесенные по следующим делам: «Боргерс против Бельгии» (*Borgers c. Belgique*), 30.10.1991 г., серия А № 214-B §§ 28-29 и «Вермолен против Бельгии» (*Vermeulen c. Belgique*), 20.02.1996 г., Сборник судебных решений 1996-I, § 34) в совещании судей Кассационного суда Бельгии, а также присутствие генерального прокурора на совещании Верховного Суда Португалии без права консультативного или иного голоса (Лобо Мачадо против Португалии *Lobo Machado c. Portugal*, решение от 20 февраля 1996, Сборник судебных решений 1996-I, § 32) были расценены Судом как нарушения положений пункта 1 статьи 6 Конвенции.

27. На основании вышеуказанного Суд пришел к выводу, что само присутствие генерального адвоката на совещании судей палаты по гражданским делам Кассационного суда несовместимо с положениями пункта 1 статьи 6 Конвенции (см. решение суда по делу «Слиман-Каид против Франции» (*Slimane-Kaïd c. France*) (№ 2), № 48943/99, § 20, 27.11.2003 г.). В результате имеет место нарушение положений пункта 1 статьи 6 Конвенции.

«Кабезас Ректорет против Испании» (*Cabezas Rectoret v. Spain*) (решение), № 27228/03, 5 апреля 2005 г.

Суд отметил, что, в соответствии с нормами испанского права, в рамках процедуры ампаро прокурору отводится роль по защите законности, прав граждан и охраняемых законом публичных интересов (пункт 2 статьи 47 Органического закона «О Конституционном суде»). Таким образом, с точки зрения национального права, прокурор не является стороной в процессе (см., с учетом соответствующих изменений, «Бланко Кальехас против Испании» (*Blanco Callejas c. Espagne*) (решение), № 64100/00, 18.06.2002 г.). Фактически, в соответствии с положениями Органического закона «О Конституционном суде», прокурор не принимает участия в совещании судей в рамках процедуры ампаро (на этом этапе процедуры закон не предусматривает проведения открытых слушаний), а также не обладает правом совещательного голоса в суде высшей инстанции. Вместе с тем, по делу «Горраиз Лизаррага и другие заявители против Испании» (*Gorráiz Lizarraga et autres c. Espagne*) (№ 62543/00, § 60, 27.04.2004 г.) Суд пришел к выводу, что процедура оспаривания конституционности закона (перед Конституционным судом) не предусматривает обмена изложенными в письменной форме аргументов, а потому не является нарушением принципа равноправия сторон и не приводит нарушению положений пункта 1 статьи 6 Конвенции. Следовательно, по мнению Суда предусмотренный законом в рамках процедуры ампаро единый срок подачи письменно изложенных аргументов, не ставит заявителя в «существенно невыгодное положение» по отношению к прокурору.

Следовательно, указанная жалоба должна быть отклонена как явно необоснованная в соответствии с положениями пункта 3 статьи 35 Конвенции.

**«ОАО «Росэлтранс» против Российской Федерации» (*Roseltrans v. Russia*),
№ 60974/00, 21 июля 2005 г.**

27. В данном деле пересмотр в порядке надзора судебного решения от 17 мая 2000 г., которое вступило в законную силу и являлось обязательным на основании статьи 208 Гражданского процессуального кодекса, был инициирован прокурором г. Москвы, который не являлся стороной в данном деле. Прокурор воспользовался своим полномочием, предоставленным статьями 319 и 320 Гражданского процессуального кодекса, которое не ограничивалось временными рамками. Постановлением от 10 мая 2001 г. Президиум Московского городского суда отменил судебное решение от 17 мая 2000 г., а дело было направлено на повторное рассмотрение по основаниям, представившим позицию Президиума по существу спора, которую не разделяли другие суды вовлеченные в рассмотрение дела (см. пп. 12, 18 и 19 выше). Бесспорно, что в результате повторного рассмотрения дела требования компании-заявителя были удовлетворены решением Арбитражного суда г. Москвы от 25 марта 2003 г. Однако более одного года и десяти месяцев с момента отмены решения от 17 мая 2000 г. компания-заявитель вынуждена была претерпевать правовую неопределенность.

28. Суд не видит оснований для выводов отличных от выводов в указанном выше деле «Рябых против Российской Федерации» (*Ryabikh v. Russia*). Он приходит к выводу, что отмена вступившего в силу судебного решения от 17 мая 2000 г. в результате его пересмотра в порядке надзора являлась нарушением положений пункта 1 Статьи 6 Конвенции.

«Асито против Молдовы» (*Asito v. Moldova*), № 40663/98, 8 ноября 2005 г.

46. Принцип правовой определенности предполагает соблюдение принципа недопустимости повторного рассмотрения однажды решенного дела (*res judicata*), что обеспечивает окончательный характер судебного решения. В соответствии с указанным принципом, ни одна из сторон не вправе обращаться за пересмотром окончательного и обязательного для исполнения судебного решения исключительно с целью добиться повторного слушания рассмотрения дела. Полномочия судов высшей инстанции в части пересмотра судебных решений должны использоваться с целью исправления судебных ошибок и неправосудных решений, а не в целях повторного расследования дела. Пересмотр не следует рассматривать как скрытую форму обжалования, а наличие двух мнений по одному вопросу не является основанием для повторного рассмотрения дела. Отступление от этого принципа является оправданным только в случае необходимости обоснованной существенными и убедительными обстоятельствами (там же, § 25).

47. В настоящем деле Суд отмечает, что требование об отмене судебного решения является процедурой, в рамках которой Генеральный прокурор вправе оспорить любое окончательное судебное решение. Данная процедура была предусмотрена пунктом 3 статьи 38 закона «О хозяйственном суде» (см. п. 38 выше). До 25 февраля 1998 года срок, в течение которого Генеральный прокурор мог воспользоваться этим правом, составлял один год; однако любое иное окончательное решение принятое в рамках данной процедуры могло быть в свою очередь обжаловано Генеральным прокурором в рамках требования об отмене. После указанной даты срок указанное выше полномочие стало неограниченным во времени (см. пункт 39 выше).

48. Далее Суд отмечает, что, удовлетворяя требование Генерального прокурора Палата Экономического суда по рассмотрению апелляции на основании неправильного применения норм права и Верховный суд аннулировали результаты сразу двух судебных процессов, по итогам которых были приняты окончательные и подлежащие исполнению судебные решения.

49. Применяя положения пункта 3 статьи 38, Палата Экономического суда по рассмотрению апелляции на основании неправильного применения норм права и Верховный суд нарушили принцип правовой определенности, что является нарушением права компании-заявителя на справедливое судебное разбирательство, предусмотренное положениями пункта 1 статьи 6 Конвенции (см. «Брумареску против Румынии» (*Brumărescu v. Romania*) [БП], № 28342/95, §§ 61 и 62, ЕСПЧ 1999-VII).

50. Суд не считает существенным фактором то, что на момент отмены окончательных судебных решений осуществление права, предоставленного Генеральному прокурору, было ограничено во времени, поскольку такое ограничение не мешало ему оспаривать любые вновь вынесенные судебные решения. Кроме того, впоследствии этот срок был отменен. В указанных обстоятельствах,

систему, основанную на применении положений пункта 3 статьи 38, нельзя рассматривать как соответствующую принципу верховенства права.

51. Таким образом, имело место нарушение положений пункта 1 статьи 6 Конвенции.

...

54. Судом отмечается, что в соответствии с статьей 5 (2) действовавшего на тот момент Гражданско-процессуального кодекса, помимо прочего прокурор имел право возбуждать гражданское производство с целью защиты государственных интересов или отмены коррупционных и протекционистских постановлений и действий. В данном деле государство было заинтересовано в защите интересов малых коммерческих предприятий от посягательств крупных компаний. Таким образом, заявление Генерального прокурора соответствовало нормам национального права. Более того ничто в деле не указывает на доминирующее положение Генерального прокурора в ходе судебного разбирательства (см. пункты 24-31 выше). Возбужденное Генеральным прокурором производство подлежало рассмотрению в соответствии с теми же процессуальными нормами, что и иные иски, возбуждаемые физическими или юридическими лицами; оно подлежало полной судебной оценке, а компания-заявитель могла изложить свою точку зрения в условиях, которые не ставили бы ее в невыгодное положение по отношению к оппоненту. В невыгодное положение компания-заявитель была поставлена только после последующего вмешательства Генерального прокурора, которое выразилось в требовании отмены судебного решения (см. пункты 43-51 выше).

55. Таким образом, в данном аспекте нарушения положений пункта 1 статьи 6 Конвенции не было.

«Мартини против Франции» (*Martinie v. France*) [БП], № 58675/00, ЕСПЧ 2006-VI

50. В заключение следует отметить, что несмотря на существенные процессуальные гарантии, на которые ссылается Правительство и которыми могут воспользоваться публичные бухгалтеры, сталкивающиеся с риском взыскания с них перерасхода, Суд считает, что в данном процессе существует дисбаланс в пользу государственного советника: в отличие от бухгалтеров, государственный советник присутствует на слушаниях и он заблаговременно информируется о позиции судьи-докладчика, заслушивает выступление судьи-докладчика (а также судьи-контрдокладчика) в ходе слушаний, участвует в судебном разбирательстве в полном объеме и имеет возможность изложить свою точку зрения в устной форме без возражений со стороны бухгалтера. Исходя из данной точки зрения несущественно является ли рассматривается ли государственный советник «стороной» в процессе, поскольку в силу указанных выше полномочий и своего положения он имеет возможность в ущерб интересам бухгалтера воздействовать на суд в вопросе взыскания перерасхода. По мнению Суда, дисбаланс усугубляется также закрытым характером слушаний, препятствующим контролю со стороны заинтересованного бухгалтера и общественности.

Соответственно, Суд приходит к выводу что в данном аспекте имелось нарушение положений пункта 1 статьи 6.

...

53. Суд в первую очередь отмечает, что в резолютивной части (пункт 2) решения по делу «Кресс против Франции» (*Kress v. France*) было установлено наличие нарушения положений пункта 1 статьи 6 Конвенции на основании «участия» Правительственного комиссара в совещаниях Государственного совета. В мотивировочной части решения по делу используются оба термина: «участие» (см. пункты 80 и 87) и «присутствие» (раздел 4, а также пункты 82, 84 и 85), а также, в качестве альтернативы, используются термины «помощь», «помогает» или «посещает совещания» (см. пункты 77, 79, 81, 85 и 86). Тем не менее ясно, что в фактах дела, аргументах сторон и мотивировке решения Суда, а также резолютивной части решения по делу «Кресс против Франции» (*Kress v. France*) данные термины используются как синонимы и сам факт присутствия Правительственного комиссара на совещаниях, вне зависимости от того, является ли такое присутствие «активным» или «пассивным», является нарушением. Особенно показательны в данном вопросе пункты 84 и 85: рассматривая довод Правительства, полагавшего, что «присутствие» Правительственного комиссара оправдано тем, что он последним изучал досье по делу, а потому

может ответить на возникающие в ходе совещания вопросы по существу дела, Суд определил, что польза, которую для совещания приносит такая техническая помощь, должна быть соразмерна интересам стороны процесса, которой должна быть предоставлены гарантии того, что у Правительственного комиссара в силу его «присутствия» на совещании не будет возможности оказать влияние на исход дела. Суд пришел к выводу, что в рамках французской правовой системы такие гарантии отсутствуют.

Данный смысл следует придавать указанному решению также в свете практики Суда, поскольку ранее Судом было выявлено нарушение не только в связи с участием генерального адвоката в совещательном качестве в заседаниях Кассационного суда Бельгии (см. вышеуказанные дела «Боргерс» и «Вермюлен»), но и в связи с присутствием заместителя Генерального прокурора на совещаниях Верховного суда Португалии, даже с учетом того, что ему не предоставляется право совещательного или иного голоса (см. вышеуказанное дело «Лобу Машаду»), а также в связи с самим фактом присутствия генерального адвоката на совещаниях палаты по уголовным делам Кассационного суда Франции (см. вышеуказанное дело «Слиман-Каид» (*Slimane-Kaid*) (№ 2)). Данная судебная практика во многом основывается на доктрине производимого впечатления и том факте, что и Правительственный комиссар в административных судах Франции, и генеральные адвокаты, и заместители Генерального прокурора открыто высказывают свое мнение по делу до начала совещания судей.

54. Исходя из этого Суд вновь указывает, что хотя у него нет формальной обязанности следовать своим предыдущим решениям, интересы соблюдения принципа правовой определенности, предсказуемости и равенства перед законом не позволяют Суду отходить без надлежащих оснований от изложенных ранее прецедентов. Даже при том, что Конвенция является в первую и главную очередь системой защиты прав человека, Суд обязан учитывать меняющиеся обстоятельства в государствах-участниках Конвенции и реагировать на формирующийся консенсус относительно стандартов, которых следует достичь (см., в частности, дела: «Чепмен против Соединенного Королевства» (*Chapman v. the United Kingdom*), [БП], № 27238/95, § 70, ЕСПЧ 2001-I и «Кристина Гудвин против Соединенного королевства» (*Christine Goodwin v. the United Kingdom*) [БП], № 28957/95, § 74, ЕСПЧ 2002-VI).

В данном деле Суд не находит оснований убеждающих его в необходимости отойти от его решения в деле «Кресс против Франции» (*Kress v. France*).

55. Соответственно, в настоящем деле имело место нарушение положений пункта 1 статьи 6 Конвенции в связи с присутствием Правительственного комиссара на совещаниях судей Государственного совета.

«Станкевич против Польши» (*Stankiewicz v. Poland*), № 46917/99, ЕСПЧ 2006-VI

46. Заявители подали жалобу на нарушение их права на справедливое судебное разбирательство, гарантированное статьей 6 Конвенции, в связи с отказом в возмещении понесенных ими судебных расходов в отношении выигранного ими гражданского иска, предъявленного к ним органами прокуратуры.

...

62. В этой связи Суд, в первую очередь отмечает, что, согласно положениям пункта 2 статьи 98 Гражданско-процессуального Кодекса Польши, сторона, проигравшая гражданское дело, как правило, обязывается возместить судебные расходы выигравшей стороне, при том условии, что указанные расходы были «оправданными в целях эффективного ведения дела».

63. Суд обращает внимание, что в отношении возмещения судебных расходов со стороны прокуратуры предусмотрено исключение из этого правила. Согласно положениям статьи 106 Гражданско-процессуального Кодекса, указанный принцип неприменим в случаях, когда прокурор принимает участие в судебном процессе как гарант соблюдения правового порядка.

64. Суд далее отмечает, что, в соответствии с судебной практикой Верховного Суда Польши, указанное правило применяется только в том случае, если прокурор присоединяется к другой стороне в ходе рассмотрения дела, но не в том случае, когда прокурор выступает в качестве самостоятельной стороны по делу (см. пункт 34 выше). Суд также отмечает, что, по мнению

Верховного Суда, термин «государственная казна», используемый в статье 106 Гражданско-процессуального Кодекса, ни в коей мере не подразумевает исключение возможности возмещения судебных расходов с государственной казны или в ее пользу в случаях, когда органы прокуратуры выступают в производстве по гражданскому делу, представляя при этом финансовые интересы государственной казны (см. пункт 35 выше).

65. Следует отметить, что полномочия Суда по контролю за соблюдением внутригосударственного права ограничены (см., с учетом соответствующих изменений, судебное решение по делу «Фредин против Швеции» (*Fredin v. Sweden*) (№ 1) от 18.02.1991 г., серия А, № 192, стр. 16-17, § 50). Несмотря на это, Суд на основании имеющейся судебной практики Верховного Суда по этому вопросу обращает внимание на то, что в данном случае исключение, о котором идет речь в пункте 63 выше, было применено судом второй инстанции. Этот суд вынес свое решение в отношении судебных расходов, несмотря на то, что в статье 102 Гражданско-процессуального Кодекса прямо говорится о том, что суд вправе вынести решение, обязывающее проигравшую сторону в гражданском деле выплатить лишь часть судебных расходов или даже полностью освобождающее проигравшую сторону от обязательств по их уплате, если это оправдано особенностями дела.

66. Суд далее отмечает, что судебная практика Верховного Суда по данному вопросу позволяет судам применять соответствующие положения Гражданско-процессуального Кодекса таким образом, чтобы снизить привилегированное положение органов прокуратуры и, таким образом, лучше учитывать конкретные обстоятельства каждого отдельного дела и законные интересы физических лиц.

67. Суд обращает внимание, что возможность воспользоваться подобным снижением привилегий на основании принципа справедливости не была предоставлена заявителям по решению апелляционного суда. Указанный суд отменил решение, принятое судом первой инстанции в отношении расходов только на том основании, что органы прокуратуры выступали в качестве противной стороны по гражданскому делу, и несмотря на тот факт, что суды первой и второй инстанции приняли решение по существу дела не в пользу прокурора.

68. Суд далее отмечает, что органы прокуратуры изначально занимают привилегированное положение в отношении вопроса об уплате судебных расходов в гражданских делах. В этой связи Суд также принимает во внимание довод заявителей о том, что в любом случае сотрудники органов прокуратуры обладают специальными познаниями в области права и имеют доступ к финансовым ресурсам, существенно превышающим ресурсы, доступные частному лицу.

69. Следует отметить, что подобные привилегии могут быть оправданы с точки зрения защиты правопорядка. Однако ими не следует пользоваться с целью поставить одну из сторон гражданского дела в заведомо невыгодное положение по отношению к органам прокуратуры.

70. Далее, по мнению Суда, при оценке того, было ли реализовано право заявителей на справедливое судебное разбирательство, предусмотренное статьей 6 Конвенции, не следует забывать об общих фактических и юридических обстоятельствах конкретного дела. В этой связи Суд напоминает свое постановление по делу «Брониовский против Польши» (*Broniowski v. Poland*), в котором был сделан вывод о нарушении статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции, которое проистекало из системной проблемы, связанной с систематическими сбоями функционирования внутригосударственного права, вызванными отсутствием эффективного механизма реализации права граждан, проживающих в районе реки Буг, на получение кредита (см. постановление по делу «Брониовский против Польши» (*Broniowski v. Poland*) [БП], № 31443/96, §§ 180-187, ЕСПЧ 2004-V).

71. В рамках рассматриваемого дела Суд отмечает, что заявители смогли реализовать свое право на получение кредита под залог собственности в районе Трембовля (Trembowla), на основании покупки объекта недвижимости у государственной казны на аукционе в 1992 году. В дальнейшем определенность права собственности на приобретенную таким образом недвижимость была поставлена под угрозу в связи с гражданским иском, предъявленным прокуратурой. Если бы дело было выиграно органами прокуратуры, заявителям пришлось бы возмещать в полном объеме сумму, полученную ими в 1994 году при продаже третьему лицу указанного объекта недвижимости, приобретенного в обмен на их право на получение кредита (см. пункт 18 выше).

72. Суд также отмечает, что судом первой инстанции была назначена экспертиза с целью установления стоимости имущества, приобретенного заявителями, а также стоимости оставленного

имущества. Суд обращает внимание на то, что закон не определял методов оценки стоимости оставленного имущества, как было указано судом в решении от 18 декабря 1997 г. (см. пункты 14-15 выше). Таким образом, суду оставалось определить указанную стоимость на основе наиболее оптимального метода оценки с учетом конкретных обстоятельств дела, при этом соответствующий метод должен был быть связан с проведением экспертной оценки объекта недвижимости.

73. По совокупности всех изложенных факторов (см. пункты 70-72 выше) Суд признает дело, представленное на рассмотрение гражданским судам, сложным.

74. По мнению Суда, учитывая все обстоятельства и сумму иска, решение заявителей поручить профессиональным адвокатам представлять их интересы в суде не является необоснованным.

75. Суд также считает, что правительство не доказало, что судебные издержки, понесенные в настоящем деле, были чрезмерными. В частности, не было представлено доказательств того, что гонорары, уплаченные заявителями для их юридического представительства в двух судебных инстанциях, не соответствовали гонорарам, назначаемым в соответствующий период времени в подобных делах. Принимая во внимание все обстоятельства, Суд считает, что сумма, уплаченная за оказание профессиональных юридических услуг в рамках гражданского дела, не была чрезмерной или необоснованной.

76. С учетом всего вышесказанного, а также всех обстоятельств дела, Суд приходит к выводу о том, что имело место нарушение части 1 статьи 6 Конвенции.

«ООО “Злинсат” против Болгарии» (*Zlinsat, spol. s r.o., v. Bulgaria*), № 57785/00, 15 июня 2006 г.

76. Суд отмечает отсутствие зависимости прокуратуры от органов исполнительной власти, а также тот факт, что прокуроры назначаются на те же сроки и пользуются теми же иммунитетами, что и судьи (см. п. 33 выше). Однако эти факты не имеют определяющего значения, поскольку независимому и беспристрастному суду в терминах пункта 1 статьи 6 Конвенции присущи и другие важные характеристики, такие как гарантии соблюдения судебной процедуры (см. постановление по делу «Бентем против Нидерландов» (*Bentem v. the Netherlands*) 23.10.1985 г., серия А № 97, стр. 18, самое начало § 43), что отсутствует в данном случае. В этой связи в первую очередь следует отметить, что прокуратура города Софии принимала спорные решения по своей инициативе, тогда как суд сначала, как правило, компетентен принимать решение по делу при условии, если оно было передано на его рассмотрение другим лицом или организацией. Более того, как представляется, принятие решений по делу не должны были приниматься, - и фактически не принимались, - с соблюдением какой-либо процедуры, предусматривающей участие заинтересованного лица, то есть компании-заявителя. Закон не предусматривал проведения заседания по делу и не устанавливал правил по таким вопросам, как допустимость доказательств или порядок проведения заседания (см. вышецитированное постановление по делу «Х. против Бельгии» (*H. v. Belgium*), стр. 35, § 53). И, наконец, из формулировок соответствующих правовых норм (см. пп. 37 и 38 выше) можно сделать вывод о том, что прокуратура города Софии пользовалась большой свободой усмотрения при принятии решений, что едва ли можно назвать совместимым с принципами верховенства права и правовой определенности, являющимися неотъемлемыми характеристиками судебного разбирательства (см., с учетом соответствующих изменений, постановление по делу «Совтрансавто Холдинг против Украины» (*Sovtransavto Holding v. Ukraine*), № 48553/99, § 82, ЕСПЧ 2002-VII).

77. Следует признать, что указанные решения могут быть обжалованы вышестоящим прокурором. Однако, вышестоящие прокуроры состоят в иерархических отношениях подчиненности с прокуратурой города Софии (см., с учетом соответствующих изменений, вышеуказанное постановление по делу «Бентем», стр. 18, самое начало § 43) и являются частью одной и той же централизованной системы, во главе которой стоит Генеральный прокурор (см. п. 34 выше; см. также, с учетом соответствующих изменений, постановление по делу «Василеску против Румынии» (*Vasilescu v. Romania*) от 22.05.1998 г., Сборник судебных решений 1998-III, стр. 1075-76, § 40, а также, в качестве примера обратного, постановление по вышеуказанному делу «Х. против Бельгии» (*H. v. Belgium*), стр. 35, § 51). В связи с этим Суд отмечает, что им был выявлен (пусть и в другом контексте), тот факт, что аналогичные жалобы, подаваемые в прокурорские инстанции разного уровня, не являются эффективным средством правовой защиты по смыслу статьи 13 Конвенции, поскольку они, помимо прочего, состоят в иерархических отношениях (см. постановления по следующим делам: «Джангозов против Болгарии» (*Djanzozov v. Bulgaria*), № 45950/99, § 56, 8 июля

2004 г., «Османов и Юсейнов против Болгарии» (*Osmanov and Yuseinov v. Bulgaria*), №№ 54178/00 и 59901/00, § 39, 23.09.2004 г.). Более того, как представляется, процедура обжалования не сопровождалась необходимыми процедурными гарантиями (см. пункт 42 выше, а также вышецитированное постановление по делу «Х. против Бельгии» (*H. v. Belgium*), стр. 35, § 53).

78. Суд далее отмечает, что в своем постановлении по делу «Ассенов и другие против Болгарии» (*Assenov and Others v. Bulgaria*) он установил, что болгарских прокуроров нельзя рассматривать в качестве должностных лиц, уполномоченных на основании закона осуществлять судебную власть по смыслу части 3 статьи 5 Конвенции, поскольку впоследствии они могут выступать в рамках уголовного судопроизводства против лица, в отношении которого они утвердили решение о заключении под стражу (см. судебное решение, вынесенное по делу «Ассенов и другие против Болгарии» (*Assenov and Others v. Bulgaria*), 28.10.1998 г., Сборник судебных решений 1998-VIII, стр. 2298-99, §§ 144-50). По мнению Суда, сходную аргументацию следует применять и в данном деле. Прокуратура города Софии по своему усмотрению приняла решения о приостановке исполнения договора приватизации и выселении компании-заявителя из гостиницы. Затем прокуратура во исполнение своих полномочий, предоставленных ей частью 1 статьи 27 Гражданско-процессуального Кодекса, предъявила гражданский иск с целью признания вышеуказанного договора о приватизации недействительным (см. пункты 8, 15 и 18 выше). Таким образом, прокуратуру вряд ли можно считать в достаточной мере беспристрастной по смыслу части 1 статьи 6 Конвенции (см., с учетом соответствующих изменений, постановление по делу «Прокола против Люксембурга» (*Procola v. Luxembourg*) от 28.09.1995 г., серия А № 326, стр. 16, § 45). Сказанное справедливо в отношении вышестоящих прокуратур, которые утвердили указанные решения и в дальнейшем действовали против компании-заявителя в рамках судебного разбирательства по делу, переданному в Софийский городской апелляционный суд и в Верховный кассационный суд (см. пункты 23 и 24 выше). Сам по себе факт, что сотрудники прокуратуры выступали в защиту общественных интересов, не следует рассматривать как наделяющий их статусом судебного органа или статусом независимых и беспристрастных субъектов (см., с учетом соответствующих изменений, постановление по делу «Мерит против Украины» (*Merit v. Ukraine*), № 66561/01, § 63, 30.03.2004 г.).

79. В свете вышеизложенного, Суд приходит к выводу о том, что в сложившихся обстоятельствах органы прокуратуры не могут рассматриваться в качестве независимых и беспристрастных судебных органов, предоставляющих гарантии предусмотренные частью 1 статьи 6 Конвенции.

80. Следовательно, в целях обеспечения соответствия вышеуказанным требованиям, решения прокурорских органов должны подвергаться процедуре пересмотра со стороны судебного органа, обладающего всей полнотой юрисдикции. Однако, как отметил Суд, семейное право, как явствует из формулировок соответствующих правовых норм и из их трактовки Верховным административным судом, исключает процедуру пересмотра судебных решений, принятых органами прокуратуры в осуществление своих полномочий, предоставленных в соответствии с законодательными нормами, которыми они руководствовались и в этом деле (см. пункты 41 и 43 выше).

81. Хотя, по утверждению государства-ответчика, следственные действия по делу, инициированному Городской прокуратурой Софии в отношении компании-ответчика, производились с должной степенью тщательности, Суд отметил, что Городская прокуратура Софии в явно отказалась рассматривать вопрос о законности решений органов прокуратуры, принятых в рамках следственных действий (см. п. 19 выше). Это вполне естественно, поскольку рассматриваемый в данном случае вопрос – был ли договор о приватизации с участием компании-заявителя заключен на крайне невыгодных условиях – коренным образом отличался от тех случаев, когда исследовался вопрос о законности оспариваемых решений органов прокуратуры. Следовательно, при вынесении решений суды не касались этого вопроса ни в описательных, ни и в резолютивных частях. Таким образом, Суд не может принять довод государства-ответчика, что указанное судебное разбирательство можно рассматривать как в некотором роде апелляцию против решений Городской прокуратуры Софии (см., с учетом внесенных изменений, судебное решение по делу «Вернер против Австрии» от 24.11.1997 г., Сборник судебных решений 1997-VII, стр. 2511, § 49). Тем не менее в итоге представители Городской прокуратуры Софии признали недействительность данных решений (см. пункты 31 и 32 выше). Однако это ни при каких обстоятельствах не было непосредственным результатом судебного постановления, принятого в ходе разбирательства по данному делу.

82. Суд также не может принять утверждение государства-ответчика о том, что судебный пересмотр возможно реализовать путем обжалования прокурорских решений в уголовном процессе по достижении стадии судебного разбирательства. Подобные решения не принимались кроме как до возбуждения уголовного дела, и государство-ответчик не приводит примеры из практики национальных судов, которые указывали бы, что они действительно могут быть пересмотрены в ходе таких судебных разбирательств. Наоборот, судебная практика Верховного административного суда показывает, что лишь ограниченное число прокурорских решений, вынесенных после возбуждения уголовного дела были пересмотрены судом, как это прямо предусматривается уголовно-процессуальным кодексом (см. пункт 43 выше). Наличие средства судебной защиты должно быть несомненным, невозможность его использования означает недостаточный уровень доступности и эффективности, которые являются обязательными в соответствии с пунктом 1 статьи 6 Конвенции (см. решение по делу «И.Д. против Болгарии» (*I.D. v. Bulgaria*), № 43578/98, § 54, 28.04.2005 г. и «Капитал Банк АД» против Болгарии» (*Capital Bank AD v. Bulgaria*), № 49429/99, § 106, 24.11.2005 г.).

83. Таким образом, Суд пришел к выводу, что по прокурорским решениям, имеющим решающее значение для установления факта владения и использования компанией-заявителем гостиницы как минимум до окончания рассмотрения гражданского иска против компании-заявителя, не проводилось тщательного судебного исследования, как того требуют положения пункта 1 статьи 6 Конвенции.

84. Последний вопрос, который следует разрешить - это означала ли невозможность прибегнуть к процедуре пересмотра указанных решений ограничение права на доступ к правосудию, которое закреплено в положениях пункта 1 статьи 6 (см. вышецитированное судебное решение, вынесенное по делу «Капитал Банк АД» против Болгарии» (*Capital Bank AD*), § 109). Суд в этой связи обратил внимание на то, что государство-ответчик не привело никаких доводов в оправдание ограничения права на доступ к правосудию. Представленное Верховным административным судом обоснование для отказа в удовлетворении заявлений о пересмотре решений органов прокуратуры как неприемлемых был основан на аргументах о статусе прокуратуры (см. пункт 43 выше). Однако, как было указано выше, Суд пришел к выводу о том, что прокуратура не отвечает требованиям, предъявляемым к независимому и беспристрастному органу правосудия в значении положений пункта 1 статьи 6 Конвенции. При указанных обстоятельствах Суд не выявил оправданных причин для исключения процедуры судебного пересмотра решений прокуратуры, которые затрагивают, как в данном деле, гражданские права и обязанности.

85. Таким образом, имело место нарушение положений пункта 1 статьи 6 Конвенции.

«Паулик против Словакии» (*Paulík v. Slovakia*), № 10699/05, ЕСПЧ 2006-XI (выдержки из дела)

15. Заявитель обратился органы прокурорского реагирования с целью оспорить свое отцовство в соответствии с положениями статьи 62 Семейного кодекса. Он утверждал, что не является биологическим отцом ребенка и что он был признан отцом на основании судебного решения, которое, основываясь на экспертном заключении, которое, в свою очередь, было изготовлено в соответствии с уровнем развития науки на тот момент. Несмотря на то, что с тех пор наука в вопросах установления отцовства ушла далеко вперед и заявитель получил подтверждение, что он не является биологическим отцом ребенка, ни семейным, ни гражданско-процессуальным кодексом, ему не предоставляется ни стандартных, ни чрезвычайных средств правовой защиты, позволяющих привести его правовой статус в соответствие с биологической реальностью.

16. 2 декабря 2004 года окружной прокурор V округа Братиславы на основании жалобы заявителя произвел опрос дамы, которая считалась дочерью заявителя. Помимо прочего, она заявила, что, если заявитель не желает, чтобы она считалась его дочерью, она не возражает против лишения его отцовства.

...

26. По истечении установленного законом шестимесячного срока заявление об оспаривании отцовства может быть подано Генеральным прокурором, если того требуют общественные интересы (статья 62).

...

46. С учетом общественных интересов следует отметить, что предполагаемой дочери заявителя на настоящий момент практически 40 лет, у нее есть собственная семья, и она не нуждается в получении алиментов от заявителя (в отличие от вышеописанного дела «Йилдирим против Австрии» (*Yildirim v. Austria*)). В данном случае общественные интересы по защите ее прав в большой степени утратили свою важность по сравнению с тем временем, когда она была ребенком. Более того, она сама инициировала проведение генетической экспертизы, и сказала, что у нее нет возражений против того, чтобы заявитель отказался от своего отцовства. Таким образом, наличие отсутствия правовой процедуры, позволяющей привести правовой статус в соответствие с биологической реальностью, если таково желание заинтересованных сторон, и отсутствие такой процедуры не выгодно никому (см. судебное решение, вынесенное по делу «Кроон и другие заявители против Нидерландов» (*Kroon and Others v. the Netherlands*), 27.10.1994 г., серия А, № 297 С, стр. 58, § 40).

47. В свете вышеизложенного Суд пришел к заключению об отсутствии справедливого равновесия между интересами заявителя и интересами общества, а, следовательно, о невозможности в рамках правовой системы Словакии обеспечивать «уважение» к «частной жизни» заявителя.

Применимое законодательство не предусматривает выплату каких-либо пособий при обстоятельствах, сложившихся у заявителя, учитывая его возраст, материальное положение и отношения с другими заинтересованными сторонами.

...

59. В свете вышеизложенного Суд пришел к выводу об отсутствии обоснованного баланса между преследуемой в данном случае целью и средствами, применимыми для ее достижения.

Следовательно, имеет место нарушение положений статьи 14 в сочетании со статьей 8 Конвенции.

«Ружаньский против Польши» (*Róžański v. Poland*), № 55339/00, 18 мая 2006 г.

57. По словам заявителя в отсутствие согласия матери ребенка у него было два способа добиться юридического установления отцовства. Одним из них могла быть подача иска об установлении отцовства от имени ребенка назначенным судом опекуном. 27 января 1995 года заявитель обратился в окружной суд Гданьска с просьбой о назначении такого опекуна.

Вторым способом было требование прокурора о возбуждении дела об установлении отцовства, поданное от имени заявителя. Заявитель обратился с просьбой о возбуждении такого дела 9 января 1995 года. Однако 9 мая 1995 года прокурор отказал в удовлетворении этой просьбы на том основании, что на тот момент просьба заявителя о назначении опекуна уже рассматривалась, и прокурору было нежелательно инициировать параллельные действия в связи с одним и тем же вопросом. По мнению заявителя, данная ситуация показывает, что два варианта решения данного вопроса, предусмотренные в соответствии с семейным законодательством Польши, являются взаимоисключающими или, по крайней мере, таково мнение прокуратуры в связи с данным делом. Отсутствие четкой регламентированности действий прокурора в связи с процессуальными действиями по установлению отцовства от имени предполагаемого отца сделала возможным отказ органов прокуратуры в рассмотрении запроса заявителя от 9 января 1995 года ввиду того, что на тот момент уже рассматривался другой запрос, связанный с этим же делом.

58. Далее заявитель указал, что 8 августа 1996 года он возобновил свой запрос о назначении судом опекуна, но безуспешно, поскольку на тот момент Дж. М. (J.M.), с юридической точки зрения, стал отцом ребенка в результате усыновления, решение о котором вступило в юридическую силу с 15 июля 1996 года. По мнению органов прокуратуры, если в отношении ребенка уже установлено отцовство, то иск об установлении отцовства не мог быть инициирован.

59. По утверждению заявителя, у него оставалась другая возможность: можно было обратиться к прокурору с просьбой о подаче иска по отмене решения о признании отцовства Дж. М. Однако сам заявитель не мог подать такой иск, поэтому в связи с этим вопросом он оказался в полной зависимости от усмотрения прокурора.

...

75. В отношении периода после 15 июля 1996 года, когда Д., новый сожитель матери ребенка, был официально признан его отцом по результатам рассмотрения заявления от 15 марта 1996 года, Суд придерживается мнения, что нерегламентированность действий прокуратуры по вопросу принятия решения о начале процессуальных действий в связи с отменой решения об усыновлении сама по себе не подлежит критике. Тот факт, что государственным органам предоставляется определенная свобода действий, явно призван гарантировать защиту интересов ребенка, в отношении которого отцовство уже было установлено, а также обеспечить баланс интересов ребенка и предполагаемого биологического отца.

76. Суд подчеркивает, что если принятие решения относится на усмотрение компетентных государственных органов, защита интересов заинтересованного лица по очевидным причинам не может осуществляться в соответствии с теми же процессуальными гарантиями, которые применимы к судебному разбирательству, особенно в том, что касается деликатного вопроса о юридическом установлении отношений родства с детьми. Однако Судом было отмечено, что правительство не утверждало и не оспаривало тот факт, что на момент рассмотрения дела польское семейное право никоим образом не регулировало порядок осуществления полномочий, предоставленных законом государственным органом.

77. В связи с вышесказанным Судом было отмечено, что органы прокуратуры и суды указывали в своих решениях принятых после того, как Дж. М. официально признал ребенка, что сам факт официального признания отцовства со стороны другого мужчины являлся достаточным основанием для отказа в удовлетворении ходатайства о признании отцовства со стороны биологического отца (пп. 25, 28, 33 выше).

Несмотря на то, что безусловно обоснованным было бы принять во внимание тот факт, что официально отцовство в отношении ребенка было уже установлено, тем не менее по мнению Суда, при рассмотрении данного дела официальные органы должны были принять во внимание и ряд других обстоятельств. Так Судом было отмечено, что государственные органы не предприняли никаких мер по установлению фактического финансового положения ребенка, матери и заявителя, по крайней мере, этому не было никаких свидетельств. Суд также отметил, что государственные органы не проводили с заявителем никаких бесед с целью оценки его родительских качеств. Обоснование решений государственных органов об отказе в удовлетворении исков заявителя было поверхностным, и базировалось, в основном, на факте усыновления ребенка господином Дж. М..

78. По мнению Суда, в обстоятельствах данного дела было бы разумным ожидать, что органы власти, в которые заявитель обращался после июля 1996 года, попытались оспорить отцовство J.M., определить и сопоставят значимость интересов заявителя, как предполагаемого биологического отца ребёнка, с одной стороны, со значимостью интересов самого ребёнка и семьи, образовавшейся в силу признания отцовства J. M., с другой стороны. Суд допускает, что при принятии решений, вынесенных после того как J. M. признал ребёнка, государственные органы не хотели вмешиваться в правовые отношения между ребёнком и новым гражданским мужем его матери. Тем не менее, по мнению Суда, заслуживает критики тот факт, что оценка этих интересов в свете фактических обстоятельств данного дела не только не была проведена, но даже и не планировалась. Более того, вообще не изучался вопрос о том, будет ли, в обстоятельствах дела, нанесен ущерб интересам ребёнка, если состоится рассмотрение вопроса об отцовстве заявителя.

Таким образом, Суд считает, что то, как органы власти осуществляли свои дискреционные полномочия при принятии решений о необходимости оспаривания отцовства, установленного на основании заявления J.M. о признании ребёнка, сделанного в июле 1996 года (другими словами, непринятие никаких мер для установления реальных обстоятельств дела), не способствовало в должной мере надлежащей защите прав и интересов заявителя.

79. Итак, Суд принял решение по делу, опираясь на совокупность всех обстоятельств. Во-первых, Суд принял во внимание отсутствие какого-либо доступного механизма, посредством которого заявитель мог бы потребовать установления своего юридического отцовства (см. выше § 73). Во-вторых, Суд отметил, что внутреннее право не регламентировало порядок применения дискреционных полномочий, которыми обладали органы власти при принятии решений о необходимости оспаривания юридического отцовства, установленного в силу признания ребёнка другим мужчиной (см. выше § 76). В-третьих, Суд отметил формализм, проявленный органами власти при рассмотрении требований заявителя об оспаривании отцовства (см. выше § 77).

Исследовав то, каким образом вся совокупность этих обстоятельств повлияла на положение заявителя, Суд приходит к выводу, что, несмотря на свободу усмотрения, признаваемую за государствами, в настоящем деле государство-ответчик не обеспечило заявителю защиту права на уважение его семейной жизни, гарантированного Конвенцией (постановление по делу «Мицци против Мальты» (*Mizzi v. Malta*), № 26111/02, § 114, *mutatis mutandis*).

80. Таким образом, имело место нарушение положений статьи 8 Конвенции.

«Грегориу де Андраде против Португалии» (*Gregorio de Andrade v. Portugal*), № 41537/02, 14 ноября 2006 г.

37. В настоящем деле Суд установил, во-первых, что не является спорным тот факт, что заявитель был лишен возможности обратиться в Пленум Верховного административного Суда (ВАС) с требованием рассмотреть входящий в компетенцию пленума вопрос о единообразии судебной практики. Это произошло из-за того, что прокурор, представлявший интересы заявителя по делу, слишком поздно сообщил ему о постановлении ВАС от 5 июня 2002 г. Соответствующее письмо прокуратуры, датированное 10 июля 2002 года, было получено заявителем 15 июля 2002 года. На тот момент постановление от 5 июня 2002 года уже вступило в силу, и срок на подачу требования о рассмотрении вопроса о единообразии судебной практики истёк. Встаёт вопрос о том, может ли такое упущение со стороны работника прокуратуры само по себе рассматриваться как нарушение права заявителя на доступ к суду.

38. В этой связи Суд отмечает, что за действия и бездействия работников прокуратуры, находящихся при исполнении своих служебных обязанностей, ответственность, несёт государство. Вышесказанное также распространяется на случаи, когда, как в рассматриваемом деле, работник прокуратуры представляет в суде интересы частного лица в рамках процедуры, установленной законодательством. В связи с этим Суд напоминает, что обязанности, возлагаемые Конвенцией на государства, могут быть нарушены любым лицом, осуществляющим возложенные на него официальные полномочия (постановление по делу «Вилле против Лихтенштейна» (*Wille c. Liechtenstein*) [БП], № 28396/95, § 46, ЕСПЧ 1999-VII).

...

41. Даже если предположить, что в данном случае имела место именно такая ситуация и что прокурор был согласен с содержанием постановления ВАС от 5 июня 2002 года, он должен был уведомить заявителя о своем решении не обращаться в Пленум с вопросом о единообразии судебной практики. В таком случае, у заявителя оставалась бы возможность обратиться за помощью к адвокату. Не предоставив эту информацию своевременно, сотрудник прокуратуры лишил заявителя возможности воспользоваться средством правовой защиты, которое тот считал важным и даже определяющим для защиты своих гражданских прав и отстаивания своей позиции.

42. Такое препятствие на пути реализации права заявителя на обращение в вышестоящую инстанцию ущемило саму сущность права на доступ к суду, гарантированного статьей 6 § 1 Конвенции. При этом государство-ответчик не привело каких-либо других уместных аргументов для обоснования ограничения этого права.

«Пеев против Болгарии» (*Peev v. Bulgaria*), № 64209/01, 26 июля 2007 г.

44. В этом деле власти государства-ответчика не пытались доказать, что на момент рассматриваемых событий в общем внутреннем праве или законодательстве о деятельности прокуратуры имелись положения, определяющие обстоятельства, при которых прокуратура, выступая в качестве работодателя или в любом ином качестве, имела бы право проводить обыск в кабинетах своих сотрудников вне рамок уголовного расследования. Таким образом, вмешательство осуществлялось «не в соответствии с требованиями закона», т.е. в нарушение положений пункта 2 статьи 8.

**«Феррейра Алвеш против Португалии» (*Ferreira Alves v. Portugal*) (№ 3),
№ 25053/05, 21 июня 2007 г.**

35. Суд отмечает, что в указанных документах прокуратура изложила свою позицию по важным вопросам, относящимся как к существу дела, так и к процедуре. Так, в документах представленных 3 и 30 марта 2000 года (последний из которых был представлен окружным прокурором – вышестоящим должностным лицом по отношению к прокурору при суде, рассматривавшем дело), прокуратура высказала свое мнение по поводу ходатайства об отводе прокурора, участвовавшего в деле. Документ содержал несколько приложений. В документе от 9 июня 2000 года прокуратура ходатайствовала перед судом о вызове в судебное заседание экспертов.

36. Заявитель не был ознакомлен ни с одним из этих документов. Конечно, как подчеркивают власти государства-ответчика, нельзя сказать, что в этом деле прокуратура, представленная независимыми прокурорскими работниками, выступала одной из сторон по делу. Справедливо также и то, что дело касалось определения родительских прав и права видеться с ребёнком. В этой сложной сфере самую важную роль играют, безусловно, интересы ребёнка.

37. Тем не менее, согласно практике Суда, право на состязательное судебное разбирательство по смыслу статьи 6 § 1 «подразумевает, что, в принципе, стороны судебного разбирательства имеют право получить в свое распоряжение и обсудить любые документы и замечания, представленные суду с целью повлиять на его решение, даже если эти документы были представлены независимым сотрудником прокуратуры (см. постановление по делу «Дж. Дж. против Нидерландов» (*J.J. c. Pays-Bas*), 27.03.1998 г., Сборник судебных решений 1998-II, стр. 613, § 43 in fine).

38. С этой точки зрения, не имеет значения, выступает ли прокурор как «сторона» по делу или нет, поскольку он, в силу авторитетности своей роли, может оказать влияние на решение суда, и такое влияние потенциально может быть не в пользу заявителя (см. постановление по делу «Мартини против Франции» (*Martinie c. France*) [БП], № 58675/00, § 50, ЕСПЧ 2006-VI).

39. Вышеизложенные соображения являются достаточным основанием для того, чтобы Суд пришел к выводу о нарушении положений статьи 6 § 1 Конвенции при рассмотрении данного дела.

**«Менчинская против Российской Федерации» (*Menchinskaya v. Russia*),
№ 42454/02, 15 января 2009 г.**

30. Суд в очередной раз подчёркивает, что принцип равноправия сторон является одним из элементов более широкой концепции справедливого судебного разбирательства по смыслу статьи 6 § 1 Конвенции. Этот принцип требует соблюдения «справедливого баланса интересов сторон»: каждой из сторон процесса должна быть предоставлена разумная возможность изложить свою позицию на условиях, которые не ставят эту сторону в заведомо невыгодное положение по отношению к противоположной стороне (см. постановления по делам «Ивон против Франции» (*Yvon v. France*), № 44962/98, § 31, ЕСПЧ 2003-V, «Нидерест-Хубер против Швейцарии» (*Nideröst-Huber v. Switzerland*), 18.02.1997 г., § 23, Сборник судебных решений 1997-I, а также «Кресс против Франции» (*Kress v. France*) [БП], № 39594/98, § 72, ЕСПЧ 2001-VI).

31. Указывая на свою предшествующую судебную практику в отношении роли прокуроров при рассмотрении дел не относящихся к сфере уголовного права, Суд напоминает, что в ряде дел он разъяснил, что одно лишь присутствие прокурора или должностного лица с аналогичными функциями в совещательной комнате суда расценивается как нарушение положений статьи 6 § 1 Конвенции, вне зависимости от того, является ли такое присутствие «активным» или «пассивным» (см. постановление по делу «Мартини против Франции» (*Martinie v. France*) [БП], № 58675/00, § 53, ЕСПЧ 2006-VI). В других делах Суд также рассматривал вопрос о том, были ли заключения, представленные суду Генеральным прокурором или должностным лицом с аналогичными функциями, доведены до сведения заявителя (стороны по делу) и имелась ли у всех сторон процесса возможность ответить на эти заключения (см. постановления по делам: «Лобу Машаду против Португалии» (*Lobo Machado v. Portugal*), 20.02.1996 г., § 31, Сборник судебных решений 1996-I; «К.Д.Б. против Нидерландов» (*K.D.B. v. the Netherlands*), 27.03.1998 г., § 43, Сборник судебных решений 1998-II и «Геч против Турции» (*Göç v. Turkey*) [БП], № 36590/97, § 55, ЕСПЧ 2002-V).

32. Однако в настоящем деле возникают иные вопросы, в связи с тем, что прокурор не присутствовал в совещательной комнате Красноярского краевого суда. Более того, заявительница

была ознакомлена с протестом прокурора и воспользовалась возможностью ответить на доводы прокурора. Тем не менее, Суд напоминает, что поскольку прокурор или должностное лицо с аналогичными функциями, рекомендуя удовлетворить или отклонить кассационную жалобу, становится противником или союзником сторон по делу, его участие может вызвать у одной из сторон ощущение неравенства (см. постановления по делам «Кресс» (*Kress*), § 81, и «Ф.В. против Франции» (*F.W. v. France*), № 61517/00, § 27, 31.03.2005 г.). В этой связи Суд напоминает, что, хотя независимость и беспристрастность прокурора или должностного лица с аналогичными функциями, не подвергались сомнению, повышенное внимание общественности к вопросам справедливого отправления правосудия приводит к тому, что внешним проявлениям независимости и беспристрастности придается всё большее значение (см. постановление по делу «Боргерс против Бельгии» (*Borgers v. Belgium*), 30.10.1991 г., § 24, серия А, № 214-В).

33. По мнению Суда, вмешательство прокуратуры, будь оно рассмотрено как представление интересов государства или усиление позиции центра занятости, несомненно, ослабило позицию заявительницы (см., постановление по делу «Ивон против Франции», § 32 *mutatis mutandis*). Однако тот факт, что одну и ту же точку зрения отстаивают в суде несколько сторон, не обязательно ставит другую сторону в «заведомо невыгодное» положение при представлении своей позиции. Следует проверить, был ли в настоящем деле соблюден принцип «справедливого равновесия» между сторонами, учитывая, что прокурор принимал участие в разбирательстве (*ibid*).

34. При рассмотрении данного вопроса Суд будет опираться на заключение Европейской Комиссии за демократию через право (также именуемой «Венецианская комиссия») (см. пункт 21), как и при вынесении решений по ряду других дел (см., в частности, постановления по делам: «Российская консервативная партия предпринимателей и другие заявители против Российской Федерации» (*Russian Conservative Party of Entrepreneurs and Others v. Russia*), №№ 55066/00 и 55638/00, § 70-73, 11.01.2007 г., «Баскская национальная партия и региональная организация «Иппаральде» против Франции» (*Basque Nationalist Party - Iparralde Regional Organisation v. France*), № 71251/01, § 45-52, 07.06.2007 г., ЕСПЧ 2007-II, «Чилолу и другие заявители против Турции» (*Ciloglu and Others v. Turkey*), № 73333/01, § 17, 06.03.2007 г.). Суд подчёркивает, что при толковании пределов прав и свобод, гарантированных Конвенцией, ему часто приходилось обращаться к документам органов Совета Европы, не имеющим по своей природе юридической силы, и подкреплять свою аргументацию ссылками на нормативы, выработанные этими органами (см., *mutatis mutandis* постановление по делу «Демир и Байкара против Турции» (*Demir and Baykara v. Turkey*), № 34503/97, § 74-75, 12.11.2008 г.). Соответственно, Суд предлагает рассмотреть вопрос о том, соответствовали ли действия прокуратуры, предпринятые в настоящем деле, стандартам, предложенным органами Совета Европы для прокуратуры, функционирующей в правовом государстве (см. п. 20 выше).

35. Сторонами гражданского разбирательства выступают истец и ответчик, которым предоставляются равные права, в том числе право на юридическую помощь. Поддержка, оказываемая прокуратурой одной из сторон, может быть оправдана при определённых обстоятельствах, например, при защите интересов незащищённых категорий граждан (детей, лиц с ограниченными возможностями и других категорий), которые, предположительно, не в состоянии самостоятельно защищать свои интересы, или в тех случаях, когда соответствующим правонарушением затрагиваются интересы большого числа граждан, или в случаях, когда требуется защитить интересы государства.

36. Оппонентом заявительницы по данному делу являлся орган государственной власти, который обжаловал решение суда первой инстанции со ссылкой на ошибочное применение национального законодательства. Как подчеркнули власти Российской Федерации, прокурор в своем протесте затронул те же вопросы толкования национального законодательства, что и центр занятости. По сути, властями Российской Федерации не была указана обоснованная, признанная цель или общественный интерес, в целях защиты которых осуществлялось вмешательство прокурора.

37. По мнению Суда, хотя, в соответствии с российским законодательством, прокурор города Норильска имел основания для вмешательства в ход рассмотрения дела, в указанном деле не было выявлено обстоятельств, оправдывающих такое вмешательство.

38. По мнению Суда, необходимость в построении догадок относительно того, какое влияние указанное вмешательство могло бы иметь на ход разбирательства, отсутствует. Однако Суд считает, что простое повторение со стороны прокурора правовых доводов, выдвинутых Центром занятости, имело смысл только в том случае, если оно осуществлялось с целью оказать влияние на суд. В этой

связи Суд ссылается на Резолюцию Парламентской Ассамблеи № 1604 (2003) о роли прокуратуры в демократическом обществе, основанном на верховенстве права (см. п. 19 выше), в соответствии с которой функции прокуроров не должны служить поводом для конфликта интересов или препятствовать отдельным лицам в обращении за государственной защитой своих прав.

39. Далее отмечая, что прокурор, в отличие от сторон, дал устные пояснения перед Красноярским краевым судом, Суд приходит к выводу о том, что вмешательство прокурора в ход рассмотрения дела заявительницы на стадии обжалования судебного решения причинило ущерб внешним признакам справедливого судебного разбирательства и принципу равноправия сторон.

40. Вышеизложенные соображения являются достаточными для того, чтобы Суд пришел к выводу о нарушении пункта 1 статьи 6 Конвенции.

«Бацанина против России» (*Batsanina v. Russia*), № 3932/02, 26 мая 2009 г.

22. Суд напоминает, что принцип процессуального равноправия сторон является одним из элементов более широкого понятия справедливого судебного разбирательства в значении пункта 1 статьи 6 Конвенции. Этот принцип требует соблюдения «справедливого баланса интересов сторон»: каждая сторона должна иметь разумную возможность представить свою позицию в условиях, которые не ставят ее в существенно худшее положение по сравнению с другой стороной (см. постановления, вынесенные по следующим делам: «Ивон против Франции» (*Yvon v. France*), № 44962/98, § 31, ЕСПЧ 2003-V, «Нидерест-Хубер против Швейцарии» (*Nideröst-Huber v. Switzerland*), 18.02.1997 г., § 23, Сборник судебных решений 1997-I, а также «Кресс против Франции» (*Kress v. France*) [БП], № 39594/98, § 72, ЕСПЧ 2001-VI).

23. Ссылаясь на свою предшествующую прецедентную практику о роли прокуроров вне сферы уголовного права, Суд напоминает, что в ряде дел он признал, что одно лишь присутствие прокурора или должностного лица, выполняющего аналогичные функции, на совещании суда по делу, вне зависимости от того является ли такое присутствие «активным» или «пассивным», расценивается как нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции (см. постановление, вынесенное по делу «Мартини против Франции» (*Martinie v. France*) [БП], № 58675/00, § 53, ЕСПЧ 2006-VI). В других делах Суд также проверял, были ли доводы, представленные суду Генеральным прокурором или должностным лицом, выполняющим аналогичные функции, доведены до сведения заявителя (стороны процесса) и имелась ли у сторон возможность представить свои возражения на эти доводы (см. постановления, вынесенные по следующим делам: «Лобо Машадо против Португалии» (*Lobo Machado v. Portugal*), 20.02.1996 г., § 31, Сборник судебных решений 1996-I; «К.Д.Б. против Нидерландов» (*K.D.B. v. the Netherlands*), 27.03.1998 г., § 43, Сборник судебных решений 1998-II и «Геч против Турции» (*Göç v. Turkey*) [БП], № 36590/97, § 55, ЕСПЧ 2002-V).

24. Настоящее дело, однако, затрагивает иные вопросы, поскольку прокурор не участвовал в совещании судей по делу; его исковые требования были доведены до сведения заявительницы, и она воспользовалась предоставленной ей возможностью ответить на доводы прокурора. Тем не менее, Суд напоминает, что поскольку прокурор или должностное лицо, выполняющее аналогичные функции, принимая на себя процессуальный статус истца, то становится, в результате, союзником или оппонентом одной из сторон в деле, при этом его участие в процессе способно вызвать у одной из сторон ощущение неравенства (см. цитированные выше постановления, вынесенные по следующим делам: «Кресс против Франции», § 81, и «Ф.В. против Франции», № 61517/00, § 27, 31.03.2005 г.). В этом контексте Суд напоминает, что, хотя независимость и беспристрастность прокурора или должностного лица, выполняющего аналогичные функции, не вызывали сомнений, повышенная чувствительность общественности к справедливому осуществлению правосудия оправдывала растущее внимание к внешним проявлениям (см. судебное решение, вынесенное по делу «Боргерс против Бельгии» (*Borgers v. Belgium*), 30.10.1991 г., § 24, серия А, № 214-B).

25. По мнению Суда, то обстоятельство, что аналогичная точка зрения отстаивается перед судом несколькими сторонами, или даже то обстоятельство, что возбуждение дела было инициировано прокурором, необязательно ставит противостоящую в деле сторону в «заведомо невыгодное положение» при изложении своей позиции по делу. Остается установить, был ли в настоящем деле соблюден принцип «справедливого равновесия» между сторонами ввиду участия прокурора в процессе.

26. Суд отмечает, что в его задачи не входит проверка соответствующих норм права отдельных стран и правоприменительной практики вообще; его задача состоит в том, чтобы установить, был ли

способ применения этих норм в отношении заявительницы таков, что он привел к нарушению пункта 1 статьи 6 Конвенции в рамках настоящего дела (см., среди прочих, постановления, вынесенные по следующим делам: «Падовани против Италии» (*Padovani v. Italy*), 26.02.1993 г., § 24, серия А, № 257-В и «Хаусшильдт против Дании» (*Hauschildt v. Denmark*), 24.05.1989 г., § 45, серия А, № 154). Пункта 1 статьи 6 Конвенции возлагает на государства-участники Конвенции обязательство по организации своих правовых систем таким образом, чтобы их суды соответствовали каждому из требований пункта 1 статьи 6 Конвенции (см., среди прочих, постановление, вынесенное по следующему делу: «Сюрмели против Германии» (*Sürmeli v. Germany*) [БП], № 75529/01, § 129, ЕСПЧ 2006-VII). В целях определения соответствия действий прокуратуры в рамках данного дела положениям пункта 1 статьи 6 Конвенции, Суд учитывал соответствующие документы Совета Европы (см. пункты 15 и 16 выше).

27. Отмечено, что стороны в гражданском процессе, истец и ответчик, должны иметь равные процессуальные права. Суд не исключает, что поддержка, оказываемая прокуратурой одной из сторон, может быть оправдана при определенных обстоятельствах, например, при защите интересов уязвимых групп людей, которые, предположительно, не в состоянии самостоятельно защищать свои интересы, или в тех случаях, когда соответствующим правонарушением затрагиваются интересы многих граждан, или в случаях, когда поддающиеся установлению собственность или интересы государства нуждаются в защите. В этой связи Суд отмечает, что процессуальным оппонентом заявительницы по гражданскому делу выступала государственная организация (сравн. с постановлением по делу «Яворивская против России» (*Yavorivskaya v. Russia*), № 34687/02, § 25, 21.07.2005 г.). Стороной по делу также выступало частное лицо, которое имело личный интерес в исходе данного дела. Хотя и у ИОРАН, и у г-на М. были свои представители при рассмотрении дела в суде, Суд считает, что прокурор действовал в общественных интересах, предъявляя иск заявительнице и ее супругу (сравните с постановлением по делу «Менчинская против России» (*Menchinskaya v. Russia*), № 42454/02, §§ 37-40, 15.01.2009 г.). Интересы заявительницы и ее супруга в суде также были представлены юристом, они представили суду первой инстанции свои письменные и устные объяснения по делу. Нельзя сказать, что решение прокурора возбудить гражданское дело не имело правовой основы в российском законодательстве, или что принятие решения об обращении в суд с иском с учетом обстоятельств дела (см. пункты 11 и 12 выше) не входило в сферу компетенции прокурора. Принимая во внимание обстоятельства настоящего дела, нет оснований полагать, что возбуждение прокурором гражданского дела имело своей целью оказание ненадлежащего влияния на гражданский суд или к нему привело, а также, что в результате заявительница была лишена возможности эффективно защищать свои интересы в суде (см., с учетом соответствующих изменений, постановление, вынесенное по делу «Стил и Моррис против Соединенного Королевства» (*Steel and Morris v. the United Kingdom*), № 68416/01, § 67, ЕСПЧ 2005-II). Таким образом, по мнению Суда, в настоящем деле принцип процессуального равноправия, требующий установления справедливого баланса интересов сторон в деле, был соблюден.

28. Следовательно, нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции отсутствует.

«Королев против России» (*Korolev v. Russia*) (№ 2), № 5447/03, 1 апреля 2010 г.

35. Возвращаясь к обстоятельствам настоящего дела, Суд сначала отмечает, что заявитель не обжалует в Суде отказ в рассмотрении его иска национальными судами. Основанием для его жалобы послужило вмешательство прокурора на стадии кассационного разбирательства по делу.

36. Суд отмечает, что в данном деле в качестве противников заявителя выступали государственные учреждения. Их интересы в национальных судах защищали их представители, и, по меньшей мере, один из них был юристом. Прокурор принял решение поддержать их позицию на кассационной стадии разбирательства по делу. По всей видимости, выступая с заключительным словом в конце заседания, прокурор высказался в поддержку выводов суда первой инстанции относительно применения установленного законом срока давности в настоящем деле.

37. В настоящем деле, Суд не усматривает какой-либо причины которая бы оправдывала участие прокурора в кассационном слушании по обычному гражданскому делу. Не было выявлено никаких обстоятельств, указывающих на то, что целью вмешательства прокурора являлась, например, защита государственного имущества или интересов (см. противоположный пример в указанном выше постановлении, вынесенном по делу «Бацанина против России», § 27). Хотя бесспорным является тот факт, что участие прокурора в разбирательстве по данному делу сводилось к простому одобрению решения суда первой инстанции относительно применения срока давности, Суд не

считает нужным делать предположения о том, какое влияние это вмешательство могло иметь на ход разбирательства. Вместе с тем, Суд считает, что простое повторение со стороны прокурора правовых доводов, выдвинутых ответчиками, имело смысл только в том случае, если оно преследовало цель оказания влияния на суд (см. цитированное выше постановление, вынесенное по делу «Менчинская против России», § 38). На основании вышеизложенных соображений, Суд приходит к выводу о том, что принцип процессуального равноправия, требующий установления справедливого баланса интересов сторон, в настоящем деле соблюден не был.

38. Соответственно, имело место нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции.

«Эwert против Люксембурга» (*Ewert v. Luxembourg*), № 49375/07, § 98, 22 июля 2010 г.

98. Отмечая, что заявитель не поднял данный вопрос в Кассационном суде, Суд считает, что в любом случае тот факт, что сроки представления доводов для частных лиц являются более строгими, чем для прокуратуры, которая находится в привилегированном положении; не затрагивает право заявителя на справедливое судебное разбирательство (см., с учетом соответствующих изменений, решение, вынесенное по делу «Гиг и СЖЕН-СФДТ против Франции» (*Guigue et SGEN-CFDT c. France*), № 59821/00, 06.01.2004 г.). В данном случае разница в сроках представления доводов никак не отразилась на деле заявителя (в отличие от дела «Винен против Бельгии» (*Wynen c. Belgique*), № 32576/96, § 32, ЕСПЧ 2002-VIII), в результате чего Суд не выявил признаков нарушения вышеуказанной правовой нормы.

«Молдован и другие заявители против Румынии» (*Moldovan and Others v. Romania*) [БП] (мотивировочная часть судебного решения), № 8229/04 и другие заявления, §§ 153-155, 15 февраля 2011 г.

153. В первую очередь, Судом отмечено, что данная жалоба была подана рядом заявителей после того, как об их жалобах стало известно государству-ответчику. Однако, даже если предположить, что все эти заявители успели подать свои жалобы до момента уведомления государства-ответчика, Суд отметил, что, согласно положениям статьи 45 Гражданско-процессуального кодекса Румынии, при рассмотрении дел, где затрагиваются интересы несовершеннолетних лиц или лиц с ограниченными возможностями, представители Генеральной прокуратуры «вправе» подать гражданский иск, если они сочтут, что это необходимо в целях защиты прав и насущных интересов несовершеннолетних лиц или лиц с ограниченными возможностями. Соответственно, у Генеральной прокуратуры не имеется правового обязательства начинать процессуальные действия с целью защиты интересов всех несовершеннолетних лиц и лиц с ограниченными возможностями в целом. Имеется лишь законная возможность осуществить указанное право, которое представители Генеральной прокуратуры не сочли обязательным осуществлять в деле указанных заявителей.

154. Суд также отметил, что у всех заявителей имелись родители или законные представители, которые либо лично являлись сторонами процесса либо могли представлять заявителей как стороны гражданского процесса, но которые не сделали этого, поэтому Суд счел, что право физического доступа заявителей к суду ущемлено не было.

155. Следовательно, в этой своей части указанная жалоба должна быть отклонена как явно необоснованная в контексте положений пунктов 3 и 4 статьи 35 Конвенции.

«Сахновский против Российской Федерации» (*Sakhnovskiy v. Russia*) [БП], № 21272/03, §§ 79- 84, 2 ноября 2010 г.

79. По мнению Суда, сам по себе факт возобновления дела не являлся достаточным основанием для того, чтобы заявитель утратил статус жертвы нарушения. Это мнение обусловлено особенностями российской системы пересмотра дел в порядке надзора, действовавшей на момент рассмотрения дела (см. пп. 42-45 выше). Во-первых, на тот момент отсутствовали ограничения в отношении количества раз и обстоятельств возобновления дела. Во-вторых, на тот момент решение о возобновлении дела вправе был принимать прокурор или судья по своему усмотрению: решение принималось относительно того, подлежали ли ходатайство о пересмотре дела в надзорном порядке или апелляция рассмотрению по существу. Как в случае подачи прокурором заявки о возобновлении разбирательства по делу, так и в случае отмены председателем суда решения судьи

об отказе в удовлетворении заявления о пересмотре дела в надзорном порядке, решение принималось указанными лицами по собственной инициативе. Такой порядок позволял государству-ответчику избегать независимого надзорного контроля со стороны Суда путем постоянного возобновления разбирательства по делу.

80. Это не просто теоретическая возможность. В ряде случаев рассмотрение уголовных дел возобновлялось вскоре после того, как о подаче жалобы становилось известно властям Российской Федерации, при том, что с момента закрытия первоначального дела проходило много месяцев или даже лет – наряду с другими примерами, сошлемся на решения Суда по следующим делам: «Зайцев против Российской Федерации» (*Zaytsev v. Russia*), № 22644/02, §§ 9 – 11, 16.11.2006 г., «Ларягин и Аристов против Российской Федерации» (*Laryagin and Aristov v. Russia*), №№ 38697/02 и 14711/03, §§ 18 – 19, 08.01.2009 г., «Сибгатуллин против Российской Федерации» (*Sibgatullin v. Russia*), № 32165/02, § 13, 23.04.2009 г., «Бакланов против Российской Федерации» (*Baklanov v. Russia*), № 68443/01, 06.05.2003 г., «Микадзе против Российской Федерации» (*Mikadze v. Russia*), № 52697/99, 03.05.2005 г., «Городничев против Российской Федерации» (*Gorodnichev v. Russia*), № 52058/99, 03.05.2005 г., «Федоров против Российской Федерации» (*Fedorov v. Russia*), № 63997/00, 06.10.2005 г., а также цитированное выше решение по делу «Федосов против Российской Федерации» и «Махлягин против Российской Федерации» (мотивировочная часть судебного решения) (*Makhlyagin v. Russia*), № 39537/03, 01.10.2009 г. Аналогичные примеры имеются в судебной практике, касающейся использования процедуры пересмотра в надзорном порядке гражданских дел (см., например, судебное решение, вынесенное по делу «Рябых против Российской Федерации» (*Ryabykh v. Russia*), № 52854/99, ЕСПЧ 2003-IX и последующие дела). Приводимые в качестве примера дела указывают на наличие прямой связи между сообщением о подаче жалобы в Суд и возобновлением разбирательства по делу.

81. В некоторых делах связь между извещением властей о подаче жалобы в Суд и возобновлением дела была еще более очевидной. Так, в деле «Нурмагомедов против Российской Федерации» (*Nurmagomedov v. Russia*) (мотивировочная часть судебного решения), № 30138/02, 16.09.2004 г.) прокурор обратился с представлением о пересмотре в порядке надзора постановления суда только после вмешательства Европейского Суда, тогда как ранее тот же самый прокурор отклонил апелляцию заявителя в связи с тем же самым решением суда, указав, что оно было «обоснованным и законным». В уже упоминавшемся деле Аджигович (*Adzhigovich*) (см. пункты 11 и 12 выше) апелляции заявительницы о пересмотре дела в надзорном порядке несколько раз отклонялись, пока государство-ответчик не было уведомлено о ее обращении в Суд, при том, что те же жалобы были приняты к рассмотрению после вышеуказанного уведомления. И, наконец, в настоящем деле самостоятельные попытки заявителя добиться пересмотра в порядке надзора первого решения суда были тщетными, пока Генеральная прокуратура не сочла необходимым вмешаться после уведомления о том, что заявитель обратился с жалобой в Европейский Суд (см. пункты 24 и 25 выше).

82. На основании изложенных фактов Суд пришел к следующему выводу. Разбирательство по делам со стороны внутригосударственных судебных органов часто возобновляются по инициативе российских властей, когда им становится известно о принятии дела к рассмотрению в Страсбурге. В некоторых случаях такая практика служит на пользу заявителю, и в этом случае можно говорить о пользе возобновления разбирательств по делам. Однако, учитывая легкость, с которой власти Российской Федерации прибегают к этой процедуре, имеется риск злоупотреблений. Если Суд безусловно признает, что в результате возобновления разбирательства по делу заявитель автоматически лишается статуса жертвы нарушения, у государства-ответчика появится возможность препятствовать рассмотрению любого незакрытого дела путем повторного использования процедуры пересмотра дела в порядке надзора, вместо того чтобы устранять допущенные нарушения, обеспечивая заявителю справедливое судебное разбирательство.

83. Суд полагает, что само по себе возобновление разбирательства по делу не может автоматически рассматриваться как достаточная компенсация, в результате чего заявитель лишается статуса жертвы нарушения. Чтобы оценить, сохранил ли заявитель статус жертвы нарушения, Суд рассмотрит судопроизводство по делам в целом, в том числе, процессуальные действия, предпринятые вслед за возобновлением дела. Подобный подход позволяет достичь равновесия между принципом субсидиарности и эффективностью механизма применения положений Конвенции. С одной стороны, этот подход позволяет государствам возобновлять и заново расследовать уголовные дела с целью устранения допущенных нарушений положений статьи 6 Конвенции. С другой стороны, следует обеспечить оперативное проведение нового разбирательства в соответствии с гарантиями статьи 6 Конвенции. При таком подходе процедура пересмотра дел в

ОБЗОР СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА: РОЛЬ ПРОКУРОРА ПРИ
РАССМОТРЕНИИ ДЕЛ, НЕ ОТНОсяЩИХСЯ К СФЕРЕ УГОЛОВНОГО ПРАВА
ПРИЛОЖЕНИЕ

порядке надзора не сможет быть использована для уклонения от контроля со стороны Суда, что обеспечивает соблюдение права подачи жалобы в индивидуальном порядке.

84. В итоге Суд пришел к выводу, что само по себе возобновление разбирательства по делу в рамках надзорной процедуры не является надлежащей и достаточной компенсацией для заявителя. Таким образом, заявитель сохраняет за собой ссылаться на свой статус жертвы нарушения в терминах статьи 34 Конвенции. Суд, соответственно, отклоняет возражения властей Российской Федерации по данному основанию. Теперь Суду остается рассмотреть вопрос о том, проводилось ли заседание 29 ноября 2007 г. в соответствии с требованиями справедливости.

© Совет Европы/Европейский суд по правам человека, 2012 г.

Официальными языками Европейского суда по правам человека являются английский и французский. Настоящий перевод не имеет обязательной силы для Суда, и Суд не несет ответственности за его качество. Данный перевод может быть загружен из базы данных по прецедентному праву HUDOC Европейского суда по правам человека (<http://hudoc.echr.coe.int>) или из любой другой базы данных, в которую он был внесен Судом. Текст перевода может воспроизводиться для некоммерческих целей, с обязательным указанием полного названия дела и вышеприведенным уведомлением об авторском праве. По вопросам, связанным с использованием какой-либо части перевода в коммерческих целях, обращайтесь по адресу: publishing@echr.coe.int.

© Council of Europe/European Court of Human Rights, 2012.

The official languages of the European Court of Human Rights are English and French. This translation does not bind the Court, nor does the Court take any responsibility for the quality thereof. It may be downloaded from the HUDOC case-law database of the European Court of Human Rights (<http://hudoc.echr.coe.int>) or from any other database with which the Court has shared it. It may be reproduced for non-commercial purposes on condition that the full title of the case is cited, together with the above copyright indication. If it is intended to use any part of this translation for commercial purposes, please contact publishing@echr.coe.int.

© Conseil de l'Europe/Cour européenne des droits de l'homme, 2012.

Les langues officielles de la Cour européenne des droits de l'homme sont le français et l'anglais. La présente traduction ne lie pas la Cour, et celle-ci décline toute responsabilité quant à sa qualité. Elle peut être téléchargée à partir de HUDOC, la base de jurisprudence de la Cour européenne des droits de l'homme (<http://hudoc.echr.coe.int>), ou de toute autre base de données à laquelle HUDOC l'a communiquée. Elle peut être reproduite à des fins non commerciales, sous réserve que le titre de l'affaire soit cité en entier et s'accompagne de l'indication de copyright ci-dessus. Toute personne souhaitant se servir de tout ou partie de la présente traduction à des fins commerciales est invitée à le signaler à l'adresse suivante : publishing@echr.coe.int.